

Удержимость
Трезубца:
Принадлежащая троим

Nyx_Rae Nyx_Rae

**Одержимость Трезубца:
Принадлежащая троим. Книга 3
Серия «Одержимость Трезубца:
Принадлежащая троим», книга 3**

<https://litres.ru/74657571>

0101

Аннотация

Она думала, что умирает, и решила оставить после себя хотя бы одну ночь, которую невозможно забыть. Один бар, один напиток, один грех – и трое мужчин, чьих имён ей лучше было никогда не знать.

Дрейвен, Люциан и Азриэль Корванни – Трезубец, три наследника самой опасной мафиозной династии. Молчаливый хищник, расчётливый дьявол и безрассудный соблазнитель. Они не привыкли просить. Они берут то, что хотят.

А теперь они хотят её.

То, что должно было остаться одной безумной ночью, превращается в одержимость. Их прикосновения опасны, их власть смертельна, а желание к ней горит сильнее, чем вся империя Корванни. Она понимает, что попала в клетку, из

которой невозможно выбраться, но самая страшная правда в том, что она больше не уверена, хочет ли свободы.

Для них она не просто женщина из бара. Она – слабость, искушение и будущая гибель.

Трое мужчин. Одна женщина. Любовь, вырезанная кровью, властью и одержимостью.

Содержание

Глава 101. Эдвард Мур	5
Глава 102. Не трогать ее	12
Глава 103. Можно мне мою награду?	19
Глава 104. Я сам это заберу	28
Глава 105. Я должен что-то оставить после себя	35
Глава 106. Мы не коллеги	44
Глава 107. Его уволили	53
Глава 108. Пусть это будет предупреждением	61
Глава 109. Саймона уволили	68
Глава 110. Я потерял свою должность	77
Глава 111. Как ей это удалось?	83
Глава 112. Утащу тебя с собой	90
Глава 113. Настойчивая крыса	96
Глава 114. Я ненавижу тебя, Серафина	107
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Одержимость Трезубца: Принадлежащая троим

Глава 101. Эдвард Мур

От лица Серафины

— Итак... — медленно произнёс он, тщательно взвешивая каждое слово. Его голос сочился чем-то тёмным, чем-то всезнающим, отчего желудок Саймона скрутило в узел. — Это ведь не в первый раз, да?

Тишина.

Не та, что исчезает сама по себе или заполняется неловким шарканьем. А та, что давит на грудь. Та, что душит каждый вздох в комнате.

Лицо Саймона... Боже.

Кровь отхлынула от него так быстро, что это казалось почти неестественным, словно кто-то одним резким движением вытянул из него всю жизнь. Краска схлынула с его щёк, оставив после себя болезненную бледность. Его губы приоткрылись, словно он хотел что-то сказать, но не вырвалось ни звука, лишь удушливый вздох, замерший в горле.

Его глаза... широко распахнутые, остекленевшие, дрожащие от едва сдерживаемого ужаса, уставились на Азриэля так, будто он смотрел уже не на человека. Словно он видел

нечто куда более страшное. Демона, облачённого в чистый костюм и показное спокойствие, но едва сдерживающего себя под этой маской.

Я тоже это почувствовала — это наэлектризованное напряжение в воздухе. Эту перемену в атмосфере. Эту невидимую черту, которую мы перешли, оказавшись на опасной территории.

Азриэлю не нужен был ответ. Вопрос с самого начала был риторическим, уже захлопнувшейся ловушкой.

Мы все это знали. И он тоже это знал, даже наслаждался этим. Потому что в ту секунду, когда тишина затянулась чуть дольше, чем нужно, ровно настолько, чтобы всё подтвердить, Азриэль ухмыльнулся.

Медленно. Холодно. Уверенно.

Выражение хищника, только что загнавшего свою добычу в угол. — Так я и думал, — пробормотал он, его голос был чуть громче шёпота, но почему-то заполнил всё пространство.

А затем он двинулся... Быстро. Слишком быстро, чтобы кто-либо успел среагировать. В одну секунду он стоял по другую сторону стола, обманчиво неподвижный. В следующую — уже держал Саймона за воротник, вцепившись пальцами в ткань. Рванул его на себя, будто тот ничего не весил, будто был сделан из бумаги и воздуха.

Ткань натянулась от внезапной грубости. Пуговицы протестующе звякнули. Ноги Саймона запнулись, едва находя

опору на полу, пока Азриэль с пугающей лёгкостью тащил его вперёд, и теперь их лица разделяли считанные сантиметры. Я видела, как паника затопила черты Саймона, осознание того, что он жестоко просчитался.

Позади меня Роуз резко ахнула.

Я не двигалась. Не могла. Мои ноги словно вросли в пол, дыхание застряло где-то между лёгкими и горлом. Я наблюдала. Впитывала каждую секунду, каждую деталь, выжигая её в памяти.

Азриэль слегка наклонился, его хватка усилилась, пока костяшки пальцев не побелели на ткани рубашки Саймона. Вены на его предплечье вздулись, словно стальные тросы. — Раз уж ты так любишь убирать людей из списка работников... — прошептал он, каждое слово — обдуманное и решительное.

Его голос стал ниже. Опасно спокойным.

Таким тихим, что воздух казался тяжёлым, удушающим. — Ты уволен.

Это слово ударило сильнее любого крика. Окончательно. Бесповоротно. Как захлопнувшаяся дверь, к которой нет ключа.

Саймон поперхнулся воздухом, с его лица снова схлынула краска. — С-сэр...

— У тебя двадцать минут, — продолжил Азриэль, даже не моргнув, его лицо было словно высечено из камня, — чтобы собрать свои вещи и покинуть это здание.

Его вторая рука быстро взметнулась, хватая бейдж, висевший на шее Саймона. Один резкий рывок, и ремешок с треском лопнул, звук которого, казалось, эхом отразился в наступившей тишине. Пластиковая карта качнулась раз, прежде чем упасть в ладонь Азриэля.

— А это... — добавил он, бросив на неё короткий... пренебрежительный взгляд, прежде чем швырнуть на стол, где она со стуком закрутилась, — тебе больше не понадобится.

Саймон ахнул. Буквально ахнул, словно кто-то выбил весь воздух из его лёгких и оставил его опустошённым.

— Нет... нет, пожалуйста... — Его руки, сильно дрожа, поднялись, когда он попытался опереться на державшие его руки Азриэля. Вдоль линии роста волос выступили капельки пота. — Мне очень жаль, сэр... пожалуйста... пожалуйста, простите меня, я не хотел, чтобы так вышло...

Азриэль не ослабил хватку. Не отреагировал. Его лицо оставалось бесстрастным, нечитаемым. Ничего.

— Я сделал это не по своей воле! — выпалил Саймон, слова в паническом отчаянии натыкались друг на друга, а его голос становился всё выше от паники. — Клянусь... я не... я действовал не один...

Мою грудь сдавило, медленно, так, что стало трудно дышать.

Вот оно.

Я уже знала. Или, по крайней мере, подозревала. Кусочки головоломки всё это время были здесь, разбросанные, как

хлебные крошки, по следу которых я боялась идти. Но услышать это вслух? Это всё меняло. У слов был вес. Они делали подозрения реальными, превращали тени в твёрдую истину.

Он сказал это. Вслух.

И внезапно всё, что я собирала в своей голове, начало складываться в единую картину, резкую и уродливую. Узор проявился, словно фотография в тёмной комнате, каждая деталь становилась всё чётче, всё более обличительной.

Хватка Азриэля сжалась ещё немного, его пальцы с расчётливой точностью впились в воротник Саймона.

— О-о? — мягко произнёс он.

Слишком мягко. Та тишина, что предшествует насилию.

— Тебе помогали?

Саймон отчаянно закивал, теперь всё его тело тряслось, дрожь проходила по нему, словно электрические разряды. — Да... да, помогали... помогали, клянусь... — Слова вылетали отчаянной скороговоркой, спотыкаясь друг о друга.

За спиной Азриэля Дрейвен слегка выпрямился, его поза сменилась с небрежно-наблюдательной на хищную готовность. Его лицо из холодного стало ещё более тёмным, таким, что моя кожа покрылась мурашками от беспокойства.

Сосредоточенный. Опасный. Готовый.

— Кто? — спросил Дрейвен.

Одно слово. Глухое. Тяжёлое, как камень, брошенный в тихую воду.

Дыхание Саймона сбилось, застряв в горле, как пойман-

ная птица. Его глаза снова метнулись в поисках выхода, которого не было.

На меня.

Всего на секунду.

И этого было достаточно. Этот единственный взгляд был красноречивее любых слов, признание без слов, подтверждение общего знания.

Мой желудок ухнул вниз, словно я шагнула с обрыва. Потому что я знала этот взгляд. Я видела его раньше, в зеркалах и на лицах других, застрявших между правдой и самохранением.

Узнавание. Страх. Вина.

Все три чувства сплелись воедино в его отчаянном взгляде.

— Говори, — пробормотал Азриэль, его голос звучал теперь прямо у уха Саймона, достаточно тихо, чтобы это было личным... интимной угрозой, предназначенной для одного человека. Но это было не так. Мы все слышали. Каждое слово. Каждый слог сочился угрозой. — Или я заставлю тебя. — Это обещание повисло в воздухе, прямое и абсолютное.

Саймон с трудом сглотнул, это движение было заметно в резком свете. Его кадык судорожно дёрнулся, раз, другой. Его губы задрожали, складываясь в слова, которые не могли сорваться с языка, в слоги, умиравшие, не став звуком.

— Я... — начал он, но остановился, его голос сломался под тяжестью признания, которое он собирался сделать.

Люциан не произнёс ни слова.

Ни единого.

Но я чувствовала его присутствие на другом конце комнаты, оно было осязаемой силой. Снова та неподвижность, что говорила о сжатых пружинах и сдерживаемой ярости. Эта опасная, напряжённая тишина. Он наблюдал глазами, которые не упускали ничего. Ждал с терпением хищника.

Саймон на секунду зажмурился, словно темнота могла дать ему убежище от того, что последует дальше. Словно он мог спрятаться от правды, отказавшись её видеть.

Затем открыл их.

И наконец, слова прозвучали. Сорванные. Дрожащие. Едва держащиеся вместе, как уже треснувшее стекло, ожидающее последнего удара.

— Эдвард... — прошептал он, и имя прозвучало чуть громче выдоха.

В комнате похолодало. Температура, казалось, мгновенно упала на десять градусов, по воздуху пополз иней.

— Эдвард Мур.

Глава 102. Не трогать ее

От лица Серафины

— Эдвард Мур.

Это имя не просто прозвучало, оно взорвало что-то глубоко внутри меня.

Резкое. Нутряное. Невыносимо знакомое.

Дыхание застряло в горле — едва заметный сбой, отозвавшийся дрожью в груди. Я почувствовала, как перехватило воздух, как лёгкие воспротивились простому действию — дыханию. Какой бы незначительной ни была эта реакция, она меня выдала.

И я презрела себя за это.

Мои пальцы медленно сжались в кулаки, впиваясь ногтями в ладони, и тихий вздох сорвался с губ, прежде чем я успела зажать его зубами. Звук повис в воздухе на одно лишнее биение сердца.

Эдвард Мур.

Мой дядя.

Слово отозвалось эхом в черепе, словно внезапно вскрывшаяся старая рана... то, что я не произносила вслух годами. То, что я намеренно похоронила под слоями тщательно выстроенного безразличия. То, что лишилось права на существование в моём мире в тот самый миг, когда он ушёл из него.

Я мгновенно заставила своё лицо застыть, мышцы за мышцей, пока оно не превратилось в маску.

Холодную. Непроницаемую. Пустую.

Ничто.

Потому что это имя... какой бы вес оно когда-то ни имело, какой бы смысл в себе ни несло, теперь не значило ничего. Меньше, чем ничто. Это был пепел. Призрак связи, которую я давно кремировала.

Азриэль слегка переменил позу, всё ещё сжимая Саймона с небрежным безразличием, с каким относятся к сломанной игрушке. Он склонил голову набок, словно хищник, уловивший неожиданный запах.

— И кто это? — спросил он. Его голос оставался гладким, как шёлк, но теперь я уловила под ним зазубренный край... тихое, смертоносное любопытство, от которого температура в комнате, казалось, упала.

Саймон сглотнул, и его кадык дёрнулся. — П-председатель «Мур Энтерпрайз».

Дрейвен коротко и безрадостно хмыкнул, слегка откидываясь на спинку стула. Одна его рука лениво лежала на подлокотнике, излучая показное безразличие, но глаза рассказывали совсем другую историю.

Острые, как осколки стекла. Холодные, как зимняя сталь.

— Значит, — протянул он, и его голос, полный тихого презрения, казалось, заполнил каждый уголок комнаты, — ты теперь получаешь указания от генерального директора

другой компании?

Вопрос повис в воздухе, словно лезвие, занесённое над головой Саймона. Саймон отчаянно затряс головой, его движения были резкими и полными безысходности. — Нет... нет, всё не так... прошу вас...

Мольба замерла на его губах, когда наконец заговорил Люциан.

— Мур Энтерпрайз... — пробормотал он низким, задумчивым голосом, взвешивая каждый слог.

Он слегка откинулся назад, проводя пальцами по подбородку, будто физически вытаскивая что-то из глубин памяти. Жест был созерцательным, почти учёным — так подходят к решению особенно интересной головоломки.

В комнате снова воцарилась тишина, густая от ожидания. Затем его взгляд обострился с внезапной ясностью — кусочки мозаики сложились воедино. — Разве это не та же самая компания, — медленно произнёс он, переводя взгляд сперва на Дрейвена, а затем на Азриэля, — что недавно так настойчиво добивалась партнёрства? Та, что прислала три разных предложения за три недели?

Выражение лица Дрейвена едва заметно изменилось, на его челюсти напрягся мускул. — Да.

Это единственное слово было весомым... оно несло в себе подтверждение и что-то более тёмное.

Глаза Азриэля сузились — не от замешательства, а от зарождающегося понимания. Я почти видела, как за этими рас-

чётливыми глазами выстраиваются связи, как нити сплетаются в узор, который он начинал понимать.

А затем снова та улыбка. Но эта отличалась от всех, что я видела раньше. Шире. Острее. Опасная настолько, что что-то внутри моего позвоночника застыло, словно добыча, осознавшая истинную природу хищника.

— Давненько, — пробормотал Азриэль, почти про себя, хотя в напряжённой тишине мы все отчётливо это слышали, — я так не веселился. — В словах слышалось тёмное предвкушение, словно кто-то разворачивал подарок, который ждал много лет.

Его взгляд метнулся обратно к Саймону, который, казалось, съёжился под его тяжестью. Затем взгляд потемнел ещё больше, в его глубине сгустились тени. — Мур Энтерпрайз... — повторил он, будто пробуя имя на вкус. Проверя. Смакуя. Наслаждаясь возможностями, которые оно сулило.

Всё это время я молчала, сохраняя свою тщательно выстроенную маску нейтралитета. Не проронила ни слова. Не отреагировала. Не позволила даже тени узнавания промелькнуть на моём лице. Потому что какая бы связь ни существовала между мной и этим именем, нести её предстояло мне одной. Ноша, которую я годами молча несла на своих плечах, и я не собиралась ни с кем ею делиться.

И она была мертва.

Похоронена задолго до того, как я вообще поняла, что на

самом деле значит семья, до того, как я узнала, что кровь не гарантирует ни верности, ни любви.

Любой, кто не уважал мою мать... кто отвергал её, унижал, обращался с ней так, будто она пустое место... Для меня не существовал. Никогда не существовал. И никогда не будет существовать.

Всё просто.

Взгляд Люциана резко вернулся к Саймону, а выражение его лица стало ледяным и непреклонным.

Холодная сталь. Окончательный приговор.

— Вон, — сказал он.

Слова прозвучали негромко, но разнеслись по комнате с неоспоримой весомостью. Власть чувствовалась в каждом слого, и каждый был подобен удару молота по сопротивлению.

— У тебя осталось пятнадцать минут, — добавил Люциан тоном, не терпящим возражений.

Саймон застыл на месте, его тело одеревенело, словно разум не мог осознать происходящее. Слово его мозг просто отключился, не в силах смириться с этой внезапной переменной судьбы.

— Я... — пролепетал он, отчаянно метаясь взглядом между двумя мужчинами. — Прошу, сэр, я могу всё исправить... я не хотел...

— Вон, — повторил Люциан, обрывая его жалкие протесты.

Никаких споров. Никаких оправданий. Ничего, кроме подчинения.

Саймон попятился назад, едва не споткнувшись о собственные ноги, когда Азриэль наконец разжал хватку.

Он тяжело рухнул на пол — удар был резким, — но почти сразу же вскочил на ноги. Его руки дрожали, пока он пытался устоять на ногах, а его тщательно выстроенный фасад рассыпался в прах.

Затем он обернулся. Ко мне.

Что-то в его глазах снова изменилось, превратившись в то, что я слишком хорошо знала. Отчаяние — то самое, что делает людей опасными. Уродливое и цепкое. Жалкое в своей неприкрытой нужде.

— Госпожа Вейл... прошу вас... — выпалил он, делая шаг в мою сторону.

Я не двинулась с места. Не дрогнула. Моё тело оставалось совершенно неподвижным, хотя желудок скручивало от отвращения, когда он подходил ближе. Каждый его шаг вторгался в моё пространство, нарушал границы, которые он должен был осознавать.

Слишком близко.

Его руки начали подниматься, тянуться ко мне, как утопающий тянется к обломку дерева. Словно он собирался схватить меня... за ногу, за руку, за что угодно, что мог бы использовать как рычаг. Молящий без достоинства. Жалкий без стыда.

— Прошу... вы можете поговорить с ними... можете объяснить, что я не...

— Не смей... — начала я, но предостережение прозвучало слишком поздно.

Он потянулся. Прежде чем его пальцы успели коснуться меня, прежде чем его отчаяние воплотилось в нежеланный контакт, Азриэль двинулся с места.

Быстро. Невероятно быстро.

Рука метнулась вперёд, перехватывая руку Саймона в воздухе и останавливая его всего в нескольких дюймах от меня. Сила рывка резко дёрнула Саймона назад, его тело развернуло, словно марионетку на нитках.

Хватка Азриэля на запястье Саймона усилилась, давление было очевидно сокрушительным. Я видела, как лицо Саймона исказилось от боли, хотя он не осмеливался вскрикнуть.

Глаза Азриэля... Бог.

Они были ужасающими в своей напряжённости. Холодные, как зимний мороз. Яростные, как надвигающаяся буря. Смертоносные в своём обещании. И его голос, когда он заговорил, не повысился. Ему и не нужно было. Потому что то, как он понизился, как рассёк воздух, словно лезвие — шёлк, несло в себе больше угрозы, чем мог бы передать любой крик.

— Не трогай её.

Глава 103. Можно мне мою награду?

От лица Серафины

— Не смей её трогать, — произнёс он, и каждое его слово было обдуманым и тяжёлым от угрозы.

В комнате не просто стало тихо.

Она замерла.

Казалось, даже воздух понимал, что лучше не двигаться.

Саймон поморщился... он в самом деле поморщился, когда хватка Азриэля на его запястье усилилась. Я слышала это. Нет, не хруст, но что-то близкое. Слишком близкое. Такое давление, которое заставляет кости вспомнить о своей хрупкости, которое напоминает, как легко они могут сломаться.

— Хочешь лишиться не только работы, — продолжил Азриэль низким, спокойным... слишком спокойным голосом, — но и руки?

Саймон издал прерывистый звук, нечто среднее между хныканьем и вздохом. — С-сэр... прошу вас...

— Потому что, — Азриэль слегка наклонился, его голос стал ещё ниже, тише, смертоноснее, — я с превеликим удовольствием воплещу это в реальность, если ты хотя бы пальцем её коснёшься.

У меня перехватило дыхание. Негромко. Но достаточно, чтобы я почувствовала, как оно царапнуло горло, грубо и остро. Мой взгляд метнулся на Роуз, всего на секунду.

«Пожалуйста, не думай ни о чём странном. Пожалуйста, не начинай сопоставлять факты. Пожалуйста, не надо...»

Её глаза были широко распахнуты. Растерянные. Обеспокоенные. И очень, очень понимающие. Слишком понимающие.

Отлично. Просто отлично.

«О, фантастика. Это просто идеально. Абсолютно идеально. А почему бы и нет? Почему бы не довести всё до крайности? Почему бы Азриэлю не пригрозить сломать кому-то руку из-за меня на глазах у моей ассистентки? Это совсем не подозрительно. Ни капельки. Абсолютно нормальное поведение на рабочем месте».

«Да, Серафина, именно так ты и хотела, чтобы началось твоё утро. Проснуться с болью во всём теле, спорить с собственным мозгом, оказаться запертой снаружи своего кабинета, чуть не подвергнуться нападению, наблюдать, как человека публично уничтожают, а теперь... теперь один из генеральных директоров ведёт себя как какой-то спятивший телохранитель, у которого напрочь отсутствует понятие о границах и профессиональной дистанции. Изумительно. Правда. Бурные аплодисменты».

«А Роуз... о, Боже, Роуз прямо здесь. Она это ВИДИТ. Она не слепая. У неё есть глаза. Рабочие, функциональные

глаза, которые прямо сейчас впитывают каждую деталь этой катастрофы. О чём она сейчас думает? „О, у моей начальницы тайный роман с одним из генеральных директоров“? „О, это совершенно нормальное поведение для руководства“?»

«Нет, она точно думает не это. Она что-то думает. Что-то громкое. Что-то опасное. Что-то, что ещё аукнется мне в будущем. И мне ведь придётся с этим разбираться позже, не так ли? Фантастика. Просто фантастика».

«А ЭТОТ идиот, — я мысленно впила взглядом в Азриэля, не шевельнув ни единым мускулом, не позволив ни единой эмоции отразиться на лице... эта ходячая угроза... он себя вообще слышит? „Не смей её трогать“. Да кто так говорит?! Кто так говорит, будто он главный герой какого-то мрачного любовного романа?! Это корпоративный офис, а не какая-то подпольная мафиозная драма. Возьми себя в руки!»

«Идиот».

«Полный идиот».

«Великолепный, ужасающий, оберегающий идиот».

Моё сердце всё ещё колотилось о рёбра, в бешеном ритме, который я не могла контролировать. Отчасти страх, отчасти что-то ещё, чему я отказывалась давать имя.

Саймон принялся быстро кивать, словно сломанный робот, его голова дёргалась вверх-вниз так быстро, что это выглядело почти болезненно. На лбу выступили капельки пота, лицо было бледным и липким. — Д-да... да, сэр, мне жаль...

мне очень жаль...

Азриэль удерживал его взгляд одну долгую, удушающую секунду, его тёмные глаза впивались в Саймона с такой силой, что могли бы расплавить сталь.

Затем он отпустил.

Хватка ослабла резко, без предупреждения. Саймон отшатнулся назад, схватившись за запястье так, словно оно могло полностью оторваться от руки. Он не стал дожидаться разрешения уйти, не стал медлить, чтобы проверить, не передумал ли Азриэль.

— Вон, — произнёс Азриэль ровным, лишённым эмоций голосом.

Саймону не нужно было повторять дважды. Он вскочил на ноги и, едва не споткнувшись, попятился назад с глазами, полными остаточного ужаса. Затем он развернулся и бросился к двери, словно спасаясь из горящего здания.

В тот момент, когда за ним закрылась дверь, на комнату опустилась тишина. Не та тяжёлая, удушающая, что была прежде. Нет. Эта тишина ощущалась иначе. Контролируемой. Размеренной. Словно шторм прошёл, оставив после себя лишь оседающую пыль разрушений.

Я медленно выдохнула, чувствуя, как мои плечи расслабились на самую малость. Напряжение, туго свернувшееся в моей груди, начало раскручиваться, нить за нитью.

Первым тишину нарушил Дрейвен.

— Госпожа Вейл, — сказал он тоном, в который верну-

лось то самое сдержанное, отточенное спокойствие, словно ничего только что не произошло. Словно две секунды назад человек едва не лишился руки. — Мы приносим за это свои извинения.

Я моргнула раз. Другой. Затем кивнула, не решаясь сказать что-то ещё. — Благодарю вас, сэр, — сумела выговорить я, благодарная за то, что голос прозвучал ровно.

— И за неудобства, которые это вам сегодня доставило, — плавно добавил он.

Неудобства.

Я чуть не рассмеялась от этого слова. Чуть. Потому что, серьёзно? Неудобства? Мы теперь это так называем? Мужчина схватил меня, угрожал мне, и ему чуть не сломали запястье пополам. Но да, «неудобства» — вполне себе слово.

Я сглотнула истерический смех, готовый вырваться наружу, и вместо этого лишь коротко кивнула. — Я ценю это.

Я слегка повернулась к Роуз, готовая покинуть эту удушающую комнату. — Пойдём...

— Нам нужно кое-что обсудить с госпожой Вейл.

Голос Дрейвена плавно прервал меня, слова прозвучали с тихой окончательностью. Чисто. Решительно. Я замерла на полуповороте. Мои глаза на долю секунды расширились, прежде чем я взяла себя в руки и вернула лицу нейтральное выражение. Затем я медленно повернулась обратно, и моё сердце забилось чаще, несмотря на все мои попытки сохранять спокойствие.

— О?

Дрейвен посмотрел на Роуз, его взгляд был вежливым, но безошибочно пренебрежительным.

— Вы можете идти.

Роуз замялась. Конечно, замялась. Её взгляд метался между мной и тремя мужчинами, занимавшими комнату, а на лице ясно читалось беспокойство. Она даже не пыталась его скрыть. — Фина... — прошептала она, подходя ближе, пока её плечо почти не коснулось моего. Её пальцы коснулись моей руки, прикосновение было лёгким, но заземляющим. — Ты уверена, что будешь в порядке?

Я слабо, ободряюще улыбнулась ей, надеясь, что улыбка коснулась и глаз.

— Я буду в порядке.

Она ещё секунду изучала моё лицо, её брови были обеспокоенно нахмурены. Затем она медленно кивнула, хотя в её взгляде застыло сомнение. — Хорошо... — пробормотала она, и слово прозвучало тяжело от нежелания уходить.

Она сжала мою руку один раз... быстро, тепло, заземляюще, прежде чем отступить. — Я буду внизу, если понадобится, — твёрдо сказала она, словно напоминая об этом не только мне, но и троим мужчинам, наблюдавшим за нами.

— Я знаю.

Она бросила на них троих последний осторожный взгляд, её защитные инстинкты явно боролись с профессионализмом. Затем она вышла, её шаги были размеренными и обду-

манными.

Дверь за ней щёлкнула. И в тот же миг атмосфера преобразилась. Комната снова изменилась, приобретя совершенно иное качество... что-то более тихое, более интимное. Что-то более острое, более опасное. Я едва успела осознать перемену, как тишину прорезал другой звук.

Щёлк.

Дверь заперли.

Моя голова резко повернулась на звук, и в груди шевельнулось беспокойство. Когда я обернулась, Азриэль уже двигался. Он поднялся одним плавным, хищным движением, его стул отъехал назад с тихим скрипом, который в внезапной тишине показался оглушительным. Напряжение, которое вилось в нём мгновение назад, не исчезло, а лишь изменило форму, превратившись во что-то, чему я не могла дать названия.

— Азриэль... — начал было Люциан с предостерегающей ноткой в голосе.

Слишком поздно.

Азриэль уже был передо мной, сокращая расстояние между нами решительными шагами. Слишком близко. Непозволительно близко. Прежде чем я успела отступить, прежде чем я вообще подумала об отступлении, его рука обвилась вокруг моей. Хватка была крепкой, тёплой, посылая по телу неожиданный разряд.

Затем он потянул меня. Прямо на себя. Дыхание застряло

в горле, пойманное в ловушку шока и чего-то ещё, что я отказывалась анализировать.

— Что?! — я едва сумела выговорить это слово, прежде чем оказалась прижатой к его груди, а мои ладони инстинктивно упёрлись в твёрдую стену мышц под рубашкой. Я чувствовала его сердцебиение, ровное и сильное — разительный контраст с моим собственным бешеным пульсом.

Его глаза поймали мой взгляд, и я почувствовала, как мир накренился. Теперь они были совсем другими, преобразившимися так, что у меня закружилась голова. Гнев исчез. Холодная ярость, наполнявшая их мгновение назад, полностью растаяла.

То, что пришло на смену, снова лишило меня дыхания. Озорство. Чистый, нефильТРованный, опасный восторг плясал в этих тёмных глубинах, делая его вид моложе, беззаботнее и бесконечно более сокрушительным.

— Впечатлена, принцесса? — спросил он, и его голос стал мягким и дразнящим, словно столкновения минутами ранее и не было, словно он только что не запугал кого-то до полного подчинения.

Я моргнула, пытаясь осознать эту резкую смену его настроения. Раз. Другой. — Что?! — слово вырвалось на выдохе, лишённое всякого возмущения, которое я намеревалась в него вложить.

Он наклонился ещё ближе, и мой разум настаивал, что это невозможно, что между нами не осталось места. Но ему всё

равно это удалось. Теперь его лицо было в нескольких сантиметрах от моего, так близко, что я видела золотые искорки в его голубых глазах, чувствовала его дыхание, скользящее по моей разгорячённой коже, словно ласка.

— За то, что я сделал тогда, — пробормотал он низким, интимным голосом, окутывающим меня, словно бархат, будто Люциан и Дрейвен перестали существовать, будто весь мир сузился до нас двоих в этот напряжённый миг. — Могу я получить свою награду?

Глава 104. Я сам это заберу

От лица Серафины

— За то, что я сделал там... — прошептал он. Его низкий, сокровенный голос окутывал меня, словно бархат; казалось, будто Люциан и Дрейвен перестали существовать, будто весь мир сузился до нас двоих в этот напряжённый миг. Его дыхание согревало мою щеку.

— Могу я получить свою награду?

Я моргнула. Раз. Другой. Мой мозг... завис, силясь обработать то, что он только что сказал. — Что?! — слово вырвалось резче, чем я хотела, пока я, искренне недоумевая, смотрела на него. Жар пополз вверх по шее. — Награду?

Азриэль кивнул, словно это была самая очевидная вещь в мире, и в его голубых глазах зажглись опасно-игривые искорки. В его чертах промелькнуло озорство. — Да.

Я нахмурилась, сведя брови, пока обдумывала эту абсурдную просьбу. Наглость этого мужчины не переставала меня поражать.

Затем я щёлкнула его по лбу. Сильно. Звонкий щелчок эхом разнёсся в наступившей тишине. — Не говори мне, что ты чуть не сломал человеку руку ради награды, — сказала я, и в моём голосе сквозило недоверие.

Он даже не вздрогнул.

Лишь ухмыльнулся шире, явно довольный собой.

— Да.

Мой рот слегка приоткрылся, и меня захлестнула смесь шока и раздражения. — Ты невероятен.

— Он собирался прикоснуться к нашему, — просто сказал он, будто это всё объясняло. Будто это оправдывало его жестокую выходку.

Эти слова резанули слух.

Резко. Собственнически.

Что-то в груди сжалось... не от удовольствия, а от сопротивления. Я слегка отстранилась, создавая между нами пространство, нуждаясь в дистанции от той силы, что исходила от него. Я сузила глаза, глядя на него, затем мельком на Люциана... потом на Дрейвена. Они наблюдали, безмолвные свидетели этой сцены, с непроницаемыми, но напряжёнными выражениями лиц.

— Я не принадлежу ни одному из вас. — Слова прозвучали ровно и твёрдо, несмотря на то, как сердце колотилось о рёбра.

Атмосфера в комнате изменилась. Негромко. Но ощутимо. Воздух стал гуще, заряженный безмолвным вызовом. Ухмылка Азриэля не исчезла. Напротив, она стала глубже, превращаясь в нечто более тёмное, всезнающее. Более опасное.

— Вот как? — Вопрос повис между нами, словно вызов.

Я кивнула. Твёрдо. Отказываясь отступить, несмотря на то, что его взгляд, казалось, видел меня насквозь.

— Да.

Секунду он просто смотрел на меня. Словно что-то измерял в глубине души. Взвешивал на каких-то невидимых весах, которые видел лишь он. Затем: — Ладно, — сказал он легкомысленно, хотя в его глазах таилась более тёмная сила. — Если ты не хочешь давать мне награду...

Его рука поднялась, и пальцы с намеренной медлительностью легко коснулись моей челюсти.

У меня перехватило дыхание.

— Тогда я заберу её сам.

Прежде чем я успела среагировать... прежде чем мой мозг успел осознать происходящее, он сократил расстояние между нами. Поцелуй не был поспешным. В этом-то и была проблема. Он был медленным. Намеренным. Словно он точно знал, что делает, и спланировал каждое движение.

Сначала его губы коснулись моих, словно шёпот-предупреждение на моей коже. Проверка — сбегу ли я. И когда я не оттолкнула его сразу же... когда я стояла, парализованная шоком и чем-то ещё, чему я отказывалась дать имя... он углубил поцелуй. Не агрессивно. Не напористо. Но всепоглощающе — совершенно по-другому, что оставило меня беззащитной.

Тёплый. Уверенный.

Словно у него было всё время мира, и он намеревался использовать каждую секунду. Мои пальцы инстинктивно сжались на его рубашке, вцепившись в ткань, пока мои мысли

разлетались во все стороны, не в силах сформировать ни единого внятного протеста.

О, Бог. Этот идиот... Эта сушая напасть.

Первым меня предало сердце, колотясь о рёбра, будто пытаясь вырваться. Затем — дыхание, сбивающееся на короткие, прерывистые вздохи. А после, всего на секунду... моё сопротивление полностью рухнуло. И тут он отстранился. Вот так просто. Словно ничего не произошло. Словно он не перевернул весь мой мир с ног на голову одним-единственным поцелуем.

Я стояла там.

Застыв.

Мои губы покалывало от призрачного следа его прикосновения. Моё лицо... пылало жаром, который не имел ничего общего со злостью. Я быстро откашлялась, отступая на нетвёрдых ногах и отчаянно пытаюсь собрать остатки своего достоинства.

Лицу было жарко. Слишком жарко. Мне не нужно было зеркало, чтобы понять, что я вся вспыхнула, вероятно, до кончиков ушей.

Азриэль уже шёл обратно к своему месту, совершенно невозмутимый. На его лице расплзлась ухмылка... не просто ухмылка, а та, которая говорила, что он только что что-то выиграл и хотел, чтобы все об этом знали.

Я испепелила его взглядом, полным всего негодования, на которое была способна.

Это лишь всё усугубило. Его ухмылка стала шире, превращаясь в нечто почти хищническое в своём удовлетворении. — О, не смотри на меня так, принцесса, — протянул он, с раздражающей лёгкостью откидываясь на спинку стула. — Ты ведь не сбежала.

В груди вспыхнул жар — смесь смущения и ярости. — Я в тебя чем-нибудь кину.

— Хотел бы я посмотреть, как ты попробуешь. — Вызов в его голосе был безошибочным, а в глазах блестело веселье.

Люциан издал тихий, раздражённый вздох, который, словно лезвие, рассёк напряжение. — Вы закончили?

Это вернуло меня в реальность. Точно. Работа. Офис. Генеральные директора. А не... что бы это ни было. Не затянувшееся ощущение пальцев Азриэля на моей коже и не мой пульс, который всё ещё не пришёл в норму.

Я выпрямилась и снова откашлялась, силой возвращая своему лицу некое подобие профессионализма. Маска казалась хрупкой, но я всё равно за неё цеплялась. — Так что вы хотели со мной обсудить? — К счастью, на этот раз мой голос звучал ровнее.

Дрейвен ответил не сразу. Он наблюдал за мной с такой силой, что у меня по коже пошли мурашки; его взгляд был осторожным и расчётливым, словно он мог видеть сквозь любую защиту, что я выстроила.

— Вы уже знаете, госпожа Вейл, — наконец сказал он, и его слова были взвешенными и обдуманнными.

У меня сжалась грудь. Конечно. Это.

— Мой ответ, — медленно повторила я, на мгновение опустив взгляд, прежде чем снова заставить себя встретиться с ним глазами. — Верно.

Тишина опустилась на комнату, словно тяжёлое одеяло. Затем я тихо выдохнула, собираясь с мыслями. — Но я очень люблю свою должность в Операционном отделе. — Слова прозвучали честно, без всякого притворства. Потому что они были правдой, возможно, самой искренней вещью, которую я сказала за всё утро.

— Я создала эту команду с нуля, — продолжила я, и мой голос по мере речи набирал силу. — Я исправила то, что было сломано. Я превратила хаос во что-то функциональное, во что-то, что действительно работает. Я...

— Я знаю. — Дрейвен мягко прервал меня, и его вмешательство было каким-то образом деликатным, несмотря на свою твёрдость.

Я замолчала на полуслове, слова замерли на моих губах. Он удерживал мой взгляд, непоколебимый и сосредоточенный. В выражении его лица было что-то, что я не могла до конца прочесть... уважение, возможно, или понимание.

— А что, если я скажу... — продолжил он спокойным, но обдуманном тоном, тщательно подбирая каждое слово, — ...что вы можете сохранить эту должность?

Я моргнула, уверенная, что ослышалась. — Что?

Люциан слегка наклонился вперёд, его внимание было

приковано ко мне, и он наблюдал за моей реакцией с тем же пристальным вниманием, с каким можно разглядывать головоломку, которую твёрдо намерен решить.

Дрейвен кивнул один раз — небольшой жест, который каким-то образом нёс в себе огромный вес. — Что, если вы сможете сохранить эту должность, — повторил он, на этот раз медленнее, позволяя словам осесть в воздухе между нами, — ...и при этом работать на нас в качестве Директора по исполнительным делам?

Глава 105. Я должен что-то оставить после себя

От лица Серафины

— Что, если вы сможете сохранить эту должность и при этом работать на нас в качестве директора по исполнительным делам? — повторил он, на этот раз медленнее, позволяя словам повиснуть в воздухе между нами.

— Что?!

Слово сорвалось с моих губ прежде, чем я успела его поймать — резкое и недоверчивое. Я моргнула, глядя на него, словно ослышалась, словно напряжение в комнате исказило его слова, превратив их в нечто нелепое. Мой пульс участился, пока я пыталась осознать то, что он только что сказал.

— Подождите... стойте... — я слегка подняла руку, качая головой. Этот жест казался неадекватным тому смятию, что клубилось во мне. — Разве это не значит, что я буду занимать здесь две должности?

Никто не ответил сразу. Что было ещё хуже. Потому что это означало, что они уже всё обсудили. Спланировали. Решили мою судьбу без меня.

— Да, — спокойно произнёс Люциан. Его тон ничего не выдавал.

Я повернулась к нему, ища на его лице хоть какой-то на-

мёк на шутку. Его не было. — Не просто какие-то должности, — надавила я, мой голос слегка повысился, пока я пыталась уложить это в голове. Жар подступил к шее. — Это... это очень важные роли. Директор по операциям и директор по исполнительным делам? Это не какие-то второстепенные должности, которые можно просто так отдать одному человеку!

Азриэль откинулся на спинку стула, с интересом наблюдая за мной, будто это было самое интересное, что он видел за всю неделю. В уголках его губ играла слабая улыбка.

Дрейвен оставался невозмутимым. Непокколебимым. Его пристальный взгляд не отрывался от моего лица, словно он каталогизировал каждую эмоцию, что на нём отражалась.

Я коротко, недоверчиво рассмеялась, проведя рукой по волосам. Пряди запутались между пальцами, и я поняла, что мои руки слегка дрожат. — И давайте даже не будем говорить о том, что вы буквально только что придумали вторую должность из воздуха.

— Мы не придумали её из воздуха, — мягко поправил Люциан, и в его голосе звучала та самая раздражающая уверенность, которая всегда появлялась, когда он знал, что прав.

— Да неужели? — бросила я в ответ, защитно скрестив руки на груди. — Тогда где именно эта должность была всё это время?

Между нами повисла пауза, тяжёлая от невысказанного

смысла. Азриэль усмехнулся, его глаза блеснули чем-то, похожим на гордость.

— Ожидала вас, — тихо произнёс он.

Я уставилась на него. Бесстрастно. Безразлично. Мои челюсти сжались, пока я боролась с желанием сказать что-то, о чём пожалею.

— Не помогаешь.

Он лишь ухмыльнулся.

Я резко выдохнула, поворачиваясь обратно к Дрейвену.
— Пойдут разговоры.

Это привлекло их внимание.

— Они скажут, что между мной и генеральными директорами что-то есть, — продолжила я, мой голос стал тише, но оставался твёрдым, каждое слово — тщательно взвешенным.
— Они поставят под сомнение мой авторитет. Мою власть. Всё, что я выстроила в Операционном отделе, будет подорвано, потому что внезапно я... что? Получаю особое отношение?

Тишина опустилась на комнату, словно тяжёлое одеяло. А потом заговорил Дрейвен. — Но ведь между нами что-то есть?

Я оцепенела. Полностью. Мой рот приоткрылся, открылся и так и остался. Воздух словно разом покинул мои лёгкие. На секунду... я и вправду не знала, что сказать. Мои мысли разлетелись, как листья в бурю.

Что это был за вопрос?

Нет.

Какой мужчина задаёт такой вопрос так спокойно?

Так... небрежно?

Словно он не сбрасывал бомбу посреди делового обсуждения. Словно эти слова не несли в себе тяжесть всего невысказанного между нами. Мой взгляд метнулся от него к Люциану... затем к Азриэлю. Лицо каждого выражало что-то своё... терпеливую напряжённость Дрейвена, тихое наблюдение Люциана, непоколебимую сосредоточенность Азриэля.

Трое мужчин. Три генеральных директора. Сидят здесь, будто это нормально. Будто напряжение, потрескивающее в воздухе, — это просто очередное совещание во вторник утром. Будто то, что женщина запуталась в отношениях со всеми тремя... это... Что?

Приемлемо?

Ожидаемо?

Мой мозг на секунду закоротило, пока я пыталась переварить всю абсурдность ситуации.

Кто так вообще разговаривает? Серьёзно, кто говорит такое вслух в зале заседаний? Они вообще себя слышат?

Трое мужчин. ТРОЕ. И они сидят здесь, словно это совершенно нормально — намекать на подобное? Словно правила, по которым живут все остальные, на них просто не распространяются?

Я открыла рот в поисках слов, которые не находились. За-

крыла его. Попыталась снова. Ничего не вышло. Горло сдавило от тяжести всего, что я не могла или не хотела говорить. Потому что что именно я должна была сказать?

«Нет, между нами ничего нет», после всего, что уже случилось?

После прошлой ночи, когда мир сошёл со своей оси? После того поцелуя, который до сих пор горит на моих губах? После того, как Азриэль чуть не сломал кому-то руку из-за меня, едва сдерживая свою защитную ярость?

Ага. Конечно.

Я с трудом сглотнула, чувствуя движение вплоть до самого пищевода. Дрейвен не давил. Он никогда не давил. Это, пожалуй, было в нём самым тревожным... его терпение казалось бесконечным, словно он мог вечно ждать ответа, который и так знал.

Он просто наблюдал за мной. Терпеливо. Спокойно. Нечитаемо. Словно он уже знал ответ и просто давал мне возможность прийти к нему самой.

— Решение за вами, госпожа Вейл, — сказал он наконец, и его голос был полон мягкости, которая каким-то образом делала момент ещё более напряжённым.

Просто. Чётко. Окончательно.

Комната снова погрузилась в тишину, на этот раз иную — не гнетущую, а выжидательную. И теперь она не душила. Она... ждала. Ждала меня. Моего выбора. Тех слов, которые я наконец смогу выдавить из себя, пересилив ком в горле.

Моего ответа.

Того, что изменит всё, что бы я ни сказала. Я медленно выдохнула, на мгновение опустив взгляд в пол.

Две должности. Вдвое больше работы. Вдвое больше давления. Вдвое больше пристального внимания. И... вдвое большая зарплата, а то и больше. Мои пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Деньги.

Сначала эта мысль пришла тихо, как шёпот, который я не должна была слышать. Затем она стала громче, настойчивее. А потом превратилась в рёв, который я не могла игнорировать. Грудь сжалась, стиснув что-то хрупкое и отчаянное внутри.

Мама.

Её лицо вспыхнуло в моём сознании с болезненной ясностью... каждая морщинка, каждая тень под глазами, говорившая о бессонных ночах и скрытых тревогах. Её усталая улыбка, которую она носила словно броню. То, как она всегда старалась казаться сильной, даже когда её руки слегка дрожали, когда она оплачивала счета.

То, как она отмахивалась от проблем, будто они ничего не значили, будто уведомления от коллекторов не копились, будто стоимость лекарств не съедала те крохи сбережений, что у нас были. Но они значили. Всегда значили. Просто она никогда не хотела, чтобы я видела, насколько сильно.

У тебя не так много времени.

Мысль прокрасалась в сознание, незваная и нежеланная. Холодная. Беспощадная. Но реальная. Слишком реальная, словно ледяная вода в венах. Я с трудом сглотнула, горло сжалось от тяжести того, что я знала, — того, что врачи сказали мне в том стерильном кабинете с его слишком ярким светом и сочувствующими взглядами.

Если мне суждено уйти...

Слова медленно формировались в моём сознании, каждое — тяжёлое, как камень. Словно они не хотели существовать, словно их произнесение... даже мысленное... сделает их ещё более реальными, чем они уже были.

Если я умру...

В груди закололо с резкостью, которая не имела ничего общего с моей болезнью, а была связана исключительно с несправедливостью всего происходящего.

Резко. Пронзительно.

Тогда по крайней мере...

Моя челюсть слегка сжалась, зубы скрипнули, пока я заставляла себя думать, отбросив страх, отбросив скорбь по жизни, которую я едва начала.

По крайней мере, я должна оставить что-то после себя. Что-то прочное. Что-то материальное, что просуществует дольше, чем я, дольше, чем воспоминания, которые со временем угаснут.

Деньги. Безопасность. Будущее для неё... женщины, которая пожертвовала всем, чтобы вырастить меня в одиноч-

ку. Жизнь, в которой ей не придётся бороться, в которой тяжесть выживания не будет давить ей на плечи каждый божий день. Где ей не придётся беспокоиться об оплате аренды или выбирать между продуктами и коммунальными услугами. Где она сможет жить комфортно, с достоинством.

Без меня.

Эта мысль причиняла больше боли, чем я ожидала — физическую боль, расходившуюся по рёбрам. Больше, чем что-либо ещё. Больше, чем диагноз, больше, чем страх перед тем, что будет дальше. Но это не остановило логику, холодный расчёт, что уже пустил корни.

Это... это шанс.

Огромный.

Больше всего, что у меня когда-либо было, больше всего, что я, вероятно, получу снова за то время, что мне осталось. Две высокопоставленные должности. Прямой доступ к власти, к внутренним механизмам империи, о которой большинство людей читает только в деловых журналах.

Влияние. Деньги. Много денег... больше, чем я когда-либо могла представить, что заработаю за всю жизнь, не говоря уже о тех месяцах, что мне остались. Достаточно, чтобы обеспечить её на годы, может быть, на десятилетия. Достаточно, чтобы убедиться, что с ней всё будет в порядке, что ей никогда не придётся беспокоиться о счетах, медицинских расходах или о том, чтобы стареть в одиночестве и страхе.

Даже после того, как я уйду. Даже после того, как моё имя

станет лишь очередной записью в её памяти, очередной фотографией, собирающей пыль. Мои пальцы сжались в кулаки, ногти впились в ладони достаточно сильно, чтобы вернуть меня в настоящий момент.

У тебя нет времени на колебания. У тебя нет роскоши выбирать между комфортом и необходимостью. Тебе нужно выбрать то, что важнее всего.

Я медленно, осознанно подняла голову.

Мой взгляд был твёрд, больше не блуждал. Ясный. Решительный. Сначала я посмотрела на Дрейвена, встретившись с теми расчётливыми глазами, что видели насквозь любое притворство. Затем на Люциана, чья напряжённость, казалось, прожигала даже в неподвижности. Затем на Азриэля, чьё тихое наблюдение ничего не упускало.

И наконец я заговорила, и мой голос звучал твёрже, чем я чувствовала себя внутри.

— Я согласна.

Глава 106. Мы не коллеги

От лица Серафины

«Я согласна».

Слова повисли в воздухе на одно биение сердца. Не тяжёлые. Не лёгкие. Просто... окончательные. Дрейвен кивнул — один раз, медленно и одобрительно, словно я только что прошла невидимое испытание. «Мудрый выбор».

Я тут же закатила глаза, скрестив руки на груди. «Надеюсь, вы трое выполните свою часть сделки».

Азриэль склонил голову набок, и на его лице снова расползлась ленивая ухмылка, словно у кота, заприметившего сливки. «И что же это может быть?»

Я уперла руку в бок, не впечатлившись его театральнойстью. «Оплата».

Между нами повисла пауза. А потом Азриэль рассмеялся. По-настоящему рассмеялся. Он откинул голову назад, и его богатый, несдержанный смех заполнил комнату, будто я только что выдала самую смешную шутку, которую он слышал за весь год. Его теплота наполнила комнату, совершенно не соответствуя предшествовавшему напряжению.

«Вы раните меня, принцесса», — сказал он, с притворной обидой прижимая руку к груди.

Я снова закатила глаза, на этот раз с большим усердием. «Я лишь констатирую факты. Что, если вы трое внезапно

обанкротитесь? Что мне тогда делать? Рыдать над своим пустым банковским счётом?»

Люциан тихо выдохнул, и это подозрительно походило на сдержанный смех. Даже он не смог сохранить свою обычную стоическую маску.

Дрейвен, однако, приподнял бровь. Медленно. Размеренно. Расчётливо. Затем он ухмыльнулся, и в его глазах промелькнуло что-то опасное. «Вы действительно боитесь, что мы обанкротимся?»

Я без колебаний кивнула. «Очень. На самом деле, в ужасе».

Азриэль фыркнул. Его плечи всё ещё подрагивали от остатков смеха.

Ухмылка Дрейвена стала чуть шире, превращая его черты во что-то почти хищное. «Не беспокойтесь, принцесса, — ровно произнёс он голосом, подобным шёлку поверх стали. — Вы стоите каждого пенни».

Я моргнула. Раз. Другой. Тяжесть этих слов опустилась куда-то в грудь — неожиданная и странно обезоруживающая.

Так.

Теперь я была убеждена. Они все спятили. Полностью. Окончательно. Безвозвратно.

Ага. Вот оно. Их уже не спасти. Три генеральных директора. Три якобы дееспособных взрослых, предположительно, и все они коллективно решили сойти с ума в один и тот же

момент. Прекрасно. Просто прекрасно. А я? Я добровольно на это подписалась. Я ведь и вправду сказала «да». Вау. Серафина, бурные аплодисменты, честное слово. Выдающиеся способности к принятию решений.

Твоя мать так гордилась бы. Или пришла бы в ужас. Скорее всего, в ужас.

Я откашлялась, отгоняя эту мысль.

«Если вам больше нечего сказать...» — я неопределённо махнула в сторону двери, уже ощущая на себе тяжесть их коллективных взглядов. — «Я пойду».

Дрейвен кивнул с как всегда непроницаемым выражением лица. Люциан слегка склонил голову — жест, который был одновременно и пренебрежительным, и осознанным.

Азриэль просто смотрел на меня, не отводя взгляда. Всё так же улыбаясь. Вечно улыбаясь. Всё та же тревожная линия губ, кривизна которой так и не доходила до глаз.

Слово «жуткий» даже близко не описывало всего этого.

Я развернулась и пошла к двери, и мои каблуки тихо цокали по натёртому полу. Каждый шаг казался выверенным, контролируемым... маленькая победа в сохранении самообладания.

«Серафина».

Я замерла на полпути, моя рука зависла у дверной ручки. Слегка обернулась — ровно настолько, чтобы встретиться с ним взглядом. Теперь на меня смотрел Люциан, и его взгляд стал острее, чем прежде, прорезая пространство между на-

ми с хирургической точностью. «Контракт, который мы вам дали, — сказал он тоном, в котором слышалось ожидание. — Не забудьте его подписать».

Я кивнула, сохраняя невозмутимое выражение лица, несмотря на узел, завязавшийся в животе. «Не забуду». Затем я вышла, потянув за собой дверь. Она закрылась с тихим щелчком, который, казалось, эхом разнёсся по пустому коридору.

И в тот же миг воздух изменился.

Я медленно выдохнула, направляясь к лифту. Мои плечи наконец немного опустились, стоило мне выйти из этой душной комнаты. Напряжение, которое я сдерживала, начало ослабевать, позвонок за позвонком.

«Какого чёрта...» — пробормотала я себе под нос, качая головой от абсурдности происходящего.

Двери лифта с тихим шипением разъехались. Я вошла внутрь, благодарная за уединение. Нажала кнопку первого этажа. Двери закрылись, заперев меня внутри. Тишина. Чистая, благословенная тишина. Не прерываемая загадочными комментариями или пронзительными взглядами.

А потом я застонала.

Громко и несдержанно.

Запустив руку в волосы, я легонько сжала их у корней, ощущая лёгкое жжение на коже головы. Это физическое ощущение заземлило меня, вытащило с края раскручивающейся спирали мыслей.

«Как, чёрт возьми, меня угораздило впутаться во всё это со всеми тремя?» — досада в моём голосе удивила даже меня саму.

Слова тихо отразились эхом в замкнутом пространстве, отскакивая от зеркальных стен. Ответа не последовало. Конечно же. Я откинулась на прохладную металлическую стену, уставившись в потолок, словно он мог ниспослать мне божественное озарение касательно моего затруднительного положения.

«Сначала Люциан... потом Азриэль, который ведёт себя так, будто спятил... и Дрейвен...»

Я оборвала себя резким выдохом, прижав ладони к глазам. Воспоминание о напряжённом взгляде Дрейвена вспыхнуло в моём сознании, и я почувствовала, как жар подступает к шее. «Нет. Туда мы не пойдём». На этот раз мой голос прозвучал твёрже, будто произнесённое вслух могло стать правдой.

Лифт звякнул.

Двери с механическим шёпотом разъехались.

Я оттолкнулась от стены, и мои пальцы взлетели к волосам, приглаживая пряди, выбившиеся во время моего мысленного штопора. Затем руки переместились к блузке, поправляя её, стирая любые доказательства того, что всего несколько мгновений назад я была на грани срыва. Мне нужно было выглядеть собранной. Владеющей собой.

Профессиональной. Спокойной. Нормальной.

В тот момент, когда я шагнула на этаж, меня окутал привычный хаос офиса.

Телефоны звонили, перебивая друг друга. Вокруг меня жужжали разговоры... одни приглушённые, другие оживлённые. Клавиатуры стучали в ровном ритме. Над головой гудели люминесцентные лампы, заливая рабочее пространство своим обычным стерильным светом.

Нормально.

Всё выглядело совершенно нормальным. И это казалось мне безумием, учитывая, что мой день был каким угодно, но только не обычным.

Я едва сделала два шага, как заметила её. Она небрежно прислонилась к стойке ресепшена, будто владела не только этим пространством, но и всем зданием.

Лидия.

Её поза излучала продуманную лёгкость... слишком наигранную, чтобы быть настоящей. Одна рука лениво лежала на полированной стойке, другая с нарочитой небрежностью держала телефон. Но именно её выражение лица заставило мой живот сжаться.

Та спокойная, выводящая из себя ухмылка.

Та, что кричала о том, что она обладает знанием... секретами, которых у неё не должно быть. Мои шаги замедлились вопреки попытке сохранить темп. Её глаза оторвались от телефона и с пугающей точностью нашли мои. И эта ухмылка? Она стала шире, растекаясь по её лицу, как пролитое вино.

«О-о...» — она с томной грацией оттолкнулась от стола, медленно выпрямляясь и смакуя момент. — «Смотрите-ка, кто наконец решил снова почтить нас своим присутствием».

Я остановилась в нескольких футах от неё, придавая лицу осторожную нейтральность. Нельзя было позволить ей увидеть, как её присутствие выбивает меня из колеи.

Осторожнее.

«Что тебе нужно, Лидия?» — вопрос прозвучал ровно, без всякой интонации.

Она склонила голову набок, изучая меня с пристальностью человека, разглядывающего под стеклом занятный экспонат. В её взгляде в равной мере смешались любопытство и веселье, будто я была головоломкой, которую ей нравилось разгадывать.

«Расслабься», — сказала она обманчиво лёгким тоном. — «Разве я не могу просто поприветствовать коллегу?»

«Мы не коллеги». — поправка сорвалась с моих губ прежде, чем я успела подумать о том, чтобы её смягчить.

Её улыбка дрогнула... едва заметно, словно трещина на её безупречном фасаде. Но она с наработанной лёгкостью взяла себя в руки. «Ой». — слово прозвучало шёпотом, почти игриво. — «Довольно резко, не находишь?»

«Переходи к делу».

Она шагнула ближе, потом ещё раз, вторгаясь в комфортное пространство, которое я пыталась сохранить.

Слишком близко.

Сначала до меня донёсся её парфюм... что-то сладкое и резкое с мускусной ноткой в основе, нанесённый чересчур щедро. Казалось, этот аромат был создан, чтобы заявлять о её присутствии ещё до того, как она войдёт в комнату.

Её взгляд с намеренной медлительностью прошёлся по мне, подмечая детали, которые я не могла определить. Быстро. Оценивающе.

Затем её взгляд вернулся к моему лицу, задержавшись на нём с неуютной настойчивостью. «Ты выглядишь...» — она сделала паузу, растягивая тишину, словно выбирая каждое слово из списка возможных вариантов. — «Иначе».

Я нахмурилась ещё сильнее. «Что это должно значить?»

Она тихо хмыкнула — звук размышления — и с хищной грацией начала ходить вокруг меня. Я чувствовала себя добычей, которую оценивают, выискивая слабые места. «Не знаю, — задумчиво произнесла она, и в её голосе под всей этой игрой проскользнула нотка искреннего недоумения. — Просто... иначе. Что-то изменилось».

Я развернулась, чтобы встать прямо перед ней. Моё терпение истончилось до опасного предела. «Если тебе есть что сказать... говори».

Она прекратила кружить. Теперь она стояла прямо передо мной. Так близко, что я могла сосчитать золотые искорки в её карих глазах, могла видеть удовлетворение, играющее на её лице.

А потом она улыбнулась.

Медленно. Всезнающе. Торжествующе.
«Привет, Серафима».

Глава 107. Его уволили

От лица Серафины

— Привет, Серафина.

Я нахмурилась ещё сильнее... не слегка, не вежливо. Хмурый взгляд буквально врезался в моё лицо, настолько глубоко, что я почувствовала, как напряжение стягивает виски, пока я смотрела на Лидию. Флуоресцентные лампы над головой, казалось, делали её самодовольное выражение ещё ярче, подчёркивая каждый выверенный жест в этом спектакле.

Она стояла так, будто этот момент принадлежал ей, с идеальной осанкой, слегка приподнятым подбородком. Словно она репетировала эту сцену перед зеркалом. Словно она считала часы до момента, когда сможет нанести заготовленный удар. И, судя по блеску в её глазах, она наслаждалась каждой секундой.

Конечно же, наслаждалась.

— Привет, — безразлично ответила я, мой тон соответствовал выражению, застывшему на лице. Единственный слог упал между нами, словно камень. — Что тебе нужно?

Она моргнула с преувеличенной невинностью, а затем рассмеялась... легко, воздушно, абсолютно фальшиво. Этот звук царапнул по моим нервам, как скрежет ногтей по доске.

— Прости за то, что я сказала ранее, — объявила она, драматично приложив руку к груди, будто клялась в верно-

сти самой искренности.

Я не ответила. Не сдвинулась с места. Даже не моргнула. Моё молчание повисло между нами, тяжёлое и намеренное, но, казалось, она не растерялась, а наоборот, подпитывалась им.

Тем не менее она сделала шаг вперёд, её каблуки тихонько зацокали по полированному полу с точностью метронома, привлекая ровно столько внимания коллег, делающих вид, что они не смотрят. Я чувствовала их взгляды на себе, ощущала, как изменилась энергетика в помещении, когда люди настроились на драму, которую дирижировала Лидия.

— Мы и вправду не коллеги, — продолжила она, склонив голову набок с той же самой выводящей из себя улыбкой... той, что никогда не достигала глаз. В её голосе звучала натренированная сладость, от которой у меня всё внутри переворачивалось.

В воздухе повисла пауза.

А затем: — Ты — моя начальница. — Она произнесла это так, словно пробовала слова на вкус, проверяя их вес. Последовала ещё одна пауза, на этот раз дольше, более намеренная. Я наблюдала, как меняется выражение её лица, видела, как маска соскользнула ровно настолько, чтобы обнажить скрывающееся под ней удовлетворение.

Её улыбка стала шире, обнажая зубы.

— О-о-о... — медленно протянула она, словно смакуя дорогое вино. — Погоди-ка.

Что-то в её поведении изменилось... едва заметно, но безошибочно. Притворное извинение полностью испарилось, сменившись неприкрытым триумфом. — Это тоже изменилось, — легко добавила она, будто обсуждая погоду. — Потому что тебя уволили.

Эти слова не просто упали между нами, они разошлись, словно круги по стоячей воде, достигнув каждого уголка открытого офисного пространства. Я почувствовала удар прежде, чем увидела реакцию — коллективный вздох, внезапную тишину, предшествующую хаосу.

— Что? — прошептал кто-то рядом, его голос был едва слышен, но резок от шока.

— Уволили? — эхом отозвался другой голос, теперь громче, с недоверием в каждом слове.

— Госпожу Вейл? Уволили? — добавил третий, его тон был полон замешательства. — Это невозможно, она прекрасно справлялась со своей работой... даже лучше, чем бывший директор...

— О, поверьте, — мягко прервала его Лидия, слегка повернувшись, чтобы её голос был слышен растущей аудитории. Теперь она играла на публику, полностью отдавшись своему спектаклю. — Её уволили.

Её глаза метнулись ко мне, и я увидела в них... сверкающую жестокость, жажду мести, которую она лелеяла, как пламя. Это было личное, и она хотела, чтобы я это знала.

— Наверное, начальство поняло, насколько она бесполез-

на, и наконец решило что-то с этим сделать, — добавила она, слегка пожав плечами, будто крах моей карьеры был всего лишь давно назревшей административной поправкой.

По толпе прокатился шёпот... сначала тихий, затем резко, с нотками дискомфорта. Я чувствовала на себе тяжесть их взглядов, каждая пара глаз была устремлена на меня в ожидании чего-то. Они ожидали реакции, вспышки гнева, какой-нибудь видимой трещины в моём самообладании.

Я не дала им ничего.

Стоя совершенно неподвижно, я наблюдала, как Лидия продолжает своё выступление. Она смаковала каждое слово, каждый миг того, что, по её мнению, было моим унижением. Исходящее от неё удовлетворение было почти осязаемым, словно она годами ждала этой возможности.

Что ж. Пусть наслаждается. Пусть закончит свою маленькую речь. Она заслужила этот момент, не так ли? Все эти годы обиды, тщательно взращиваемой и наконец выпущенной на волю.

Когда её голос наконец затих, а шёпот толпы достиг той особой высоты, на которой все затаивают дыхание в предвкушении, я двинулась с места.

Медленно. Намеренно.

Я скрестила руки на груди и склонила голову, изучая её с отстранённым любопытством, которое можно было бы приберечь для интересного образца. Моё сердце колотилось о рёбра, но лицо оставалось безмятежным.

— Это всё, городской глашатай? — спросила я.

Слова прозвучали с тихой точностью, разрезая напряжение. Глаза Лидии слегка расширились, её торжествующее выражение дрогнуло. — Ты...

И тогда я улыбнулась... лёгкая, выверенная улыбка, не дошедшая до глаз. — О нет, — сказала я лёгким, почти разговорным тоном. — Не останавливайся. У тебя так хорошо получалось. Наверняка тебе есть чем ещё поделиться с нашей прикованной к месту аудиторией?

Несколько человек заёрзали на своих местах. Им было неловко. Они были сбиты с толку тем, что я только что сказала. Я позволила тишине растянуться, наблюдая, как их неуверенность растёт с каждой секундой. Затем: — Да, — сказала я, медленно и демонстративно кивнув. — Действительно, меня уволили.

Вздохи.

Настоящие вздохи потрясения прокатились по офису. На этот раз они прозвучали громче, отражаясь от стен и заполняя каждый уголок комнаты.

— Подождите... что...?

— Она признаётся...?

— Значит, это правда...?

Я не смотрела на них. Их шок теперь ничего для меня не значил. Мне было всё равно, что они думают. Мой взгляд оставался прикованным к Лидии — прямой и непоколебимый. Твёрдый. Невозмутимый. В её глазах что-то мелькну-

ло... триумф, возможно, но я ещё не закончила.

— Но... — продолжила я спокойным, почти задумчивым голосом.

Её улыбка дрогнула. Совсем немного. Уголки её губ дёрнулись вниз, прежде чем она взяла себя в руки.

— Угадай, кто на самом деле уходит сегодня.

Мгновение повисло в воздухе. Застывшее. Хрупкое. И тут, как по команде, звякнул лифт. Этот знакомый звук прорезал напряжение, словно нож. Все повернули головы. Абсолютно все. Шеи вытянулись в сторону звука, любопытство пересилило всё остальное.

И оттуда вышел Саймон. Только это был не тот Саймон, что раньше. Нет. Этот? Этот выглядел... сломленным. Полностью разбитым. Два охранника шли по бокам от него с профессионально-нейтральными выражениями лиц.

По одному с каждой стороны.

В руках он неловко сжимал картонную коробку, набитую жалкими остатками его кабинета: погнутые под странными углами папки, кофейная кружка со сколом на ободке, несколько личных вещей, небрежно сброшенных в кучу без всякого порядка и уважения.

Его голова была низко опущена. Плечи ссутулились, будто под невидимым грузом. Теперь от него не исходило ни власти, ни гордости. Ничего. Просто исчез. Полностью стёрт. Человек, который всего несколько часов назад так безрассудно распоряжался властью, теперь плёлся вперёд, словно

тень самого себя.

— Что?.. — прошептал кто-то едва слышно.

— Это...?

— Начальник отдела кадров...?

— Его уволили?! — Неверие было почти осязаемым.

— Это... невероятно...

— Я думал, это её...

Шёпот взорвался хаосом... громче, беспорядочнее, полный смятения и шока.

Я не отводила взгляда от Лидии. Ни на миг. Я продолжала смотреть на неё, наблюдая за тем самым моментом, когда до неё дошло. За этой переменной в выражении её лица. За этой трещиной в её самообладании. Её улыбка полностью исчезла, сменившись чем-то неуверенным, чем-то напряжённым и хрупким по краям.

Я медленно шагнула к ней, сокращая расстояние между нами. Моё сердце колотилось о рёбра, но я сохраняла ровное дыхание. Слегка наклонившись... ровно настолько, чтобы не говорить громко, я произнесла, зная, что все всё равно будут напряжённо вслушиваться.

— А теперь, — тихо сказала я, позволив своим губам изогнуться в едва заметной улыбке, — самое интересное, Лидия.

Её кадык дёрнулся, когда она с трудом сглотнула. Я отчётливо видела... как её уверенность ускользает, крупница за крупницей, словно песок сквозь отчаянно сжатые пальцы.

Краска сошла с её щёк, а руки, которые всего мгновение назад она держала с таким изяществом, теперь дрожали по бокам.

— Кто-то попросил его это сделать, — сказала я, позволив словам повиснуть в воздухе между нами.

Глава 108. Пусть это будет предупреждением

От лица Серафины

— Его попросили это сделать, — сказала я, позволив словам повиснуть в воздухе между нами.

Тишина не наступила.

Нет.

Она раскололась.

— Что?! — выпалил кто-то сзади, и в его повысившемся голосе ясно слышался шок.

— Вы серьёзно? — раздался другой голос, теперь громче, резче, прорезая шёпот, словно клинок.

— Кто-то попросил его уволить госпожу Вейл?

— То есть, это было даже не его решение? — Неверие волной прокатилось по толпе, распространяясь, как лесной пожар.

— А я ещё жалел его, — фыркнул какой-то парень слева от меня, его тон был пропитан презрением. — Так ему и надо.

— Точно, — быстро добавила женщина, её голос был напряжён от злорадства. — Он определённо получил по заслугам.

— Надеюсь, того, кто ему заплатил, тоже разоблачат, —

мрачно пробормотал кто-то ещё, едва сдерживая подступающий гнев.

— Честно говоря, — вмешался другой голос, дрожащий от возмущения, — таким людям нельзя даже приближаться к этой компании.

Шёпот нарастал. С наслаивающимися голосами. Хаотичный. Теперь он был достаточно громким, чтобы перестать быть шёпотом — это были мнения, обвинения, осуждения, беззастенчиво брошенные в воздух. Приговоры. Кинжалы, летящие во все стороны, и каждый искал свою цель.

Я не смотрела на них. В этом не было нужды. Потому что прямо передо мной Лидия начала рассыпаться. Не театрально. Не явно. Но я это видела. Я наблюдала за ней достаточно долго, чтобы распознать едва уловимые признаки, микроскопические трещины в её тщательно выстроенном фасаде.

То, как подёргивались её пальцы, словно борясь с желанием сжаться в кулаки. То, как её челюсть сжималась на долю секунды дольше положенного, а под кожей ходили желваки. То, как её взгляд метался — не на меня, а по сторонам, — выискивая, просчитывая, измеряя ущерб, который распространялся в толпе, как яд в воде.

На людей. На голоса. На слова, что медленно, неумолимо сжимались вокруг неё, словно петля.

И впервые с нашей сегодняшней встречи она выглядела... неуверенной. Даже уязвимой. Маска сползала, и она это знала. Я видела, как за её глазами зарождается паника — тща-

тельно скрытая, но безошибочно узнаваемая.

Я шагнула ближе. Всего один шаг. Достаточно, чтобы вторгнуться в её личное пространство, чтобы сделать этот момент интимным, несмотря на окружающую нас толпу. Достаточно, чтобы её внимание резко вернулось ко мне, отвлёкшись от хаоса, который она больше не могла контролировать.

Я слегка наклонилась, мои губы оказались всего в нескольких сантиметрах от её уха — достаточно близко, чтобы я могла почувствовать её духи... дорогие, изысканные, выбранные, чтобы излучать уверенность.

Мой голос стал ниже. Мягче. Тише. Только для неё. — Вы случайно не знаете некоего Эдварда Мура? — спросила я, внимательно наблюдая за ней в ожидании реакции, в которой я была уверена.

Её реакция последовала незамедлительно... резкая и инстинктивная.

Она ахнула — тихий звук, который любой другой мог бы и не заметить, но я его отлично уловила. Всё её тело напряглось, словно я приставила лезвие к её горлу, а не просто прошептала имя.

Попалась.

Я медленно отстранилась, не торопясь, позволяя ей осознать произошедшее. Я хотела, чтобы она это увидела... знающий взгляд в моих глазах, лёгкую усмешку, играющую в уголках моих губ. Удовлетворение от того, как её тщательно

выстроенный фасад начинает трещать по швам.

Затем я подмигнула. И отвернулась. Вот так просто, словно я не взорвала только что бомбу в её идеально упорядоченном мире.

Мои каблуки отбивали ровный ритм по начищенному полу, пока я шла обратно к своему кабинету. За моей спиной ропот становился всё громче, хаотичнее. Я чувствовала, как десятки глаз следят за моим движением, я буквально ощущала вкус домыслов, сгущающихся в воздухе. Пусть гадают. Пусть говорят.

Я дошла до своей двери, мои пальцы сжались на холодной металлической ручке. Я уже собиралась толкнуть её, когда чья-то рука схватила мою... крепко, отчаянно, дрожа от едва сдерживаемой паники. Я замерла, позволяя мгновению растянуться. Затем я медленно повернула голову.

Лидия.

Конечно, это была она.

Её хватка дрогнула — не сильно, но достаточно, чтобы я почувствовала страх, исходящий от кончиков её пальцев. То отточенное самообладание, которое она носила как броню, теперь соскальзывало всё быстрее, рассыпаясь на куски.

Я опустила взгляд на её руку, сжимавшую мою, а затем подняла глаза, чтобы встретиться с ней лицом. Улыбка далась мне легко... спокойная, вежливая и острая, как шлифованное стекло.

— Чем могу быть полезна, госпожа Мур?

Её дыхание с шумом сбилось. Вот оно... это имя, то подтверждение, которого она так боялась. На её лице мелькнуло узнавание, прежде чем она успела его подавить. Её пальцы бессознательно сжались на моей руке, а потом она резко отдёргнула её, словно внезапно осознав, что выдала себя с головой.

— Что... что вы имеете в виду? — Вопрос прозвучал неуверенно, её голос лишился обычной властности. — Что вы знаете?

Я склонила голову набок, изучая её с отстранённым любопытством, с каким разглядывают интересный образец под стеклом. Страх в её глазах теперь был осязаем и смешивался с чем-то ещё... возможно, с расчётом. Она уже пыталась определить, какой объём работы по устранению последствий ей предстоит.

— К чему прикидываться дурочкой, Лидия? — Слова прозвучали легко, почти по-свойски, что делало их ещё более ранящими. — Вы прекрасно знаете, о чём я говорю.

Её глаза сверкнули внезапным огнём. Теперь на поверхность вырвался гнев, неприкрытый и безошибочный. Хорошо. Это было лучше, намного лучше того страха, что я мельком увидела мгновение назад.

— Но, — продолжила я, слегка пожав плечами, словно мы обсуждали погоду, — как хотите, если желаете и дальше строить из себя дуру.

— Ты!.. — выпалила она, её голос повысился от возму-

щения.

Я не дала ей закончить. Прежде чем она успела набрать обороты, я отбила её руку от своей — не сильно, но достаточно твёрдо, чтобы предельно ясно донести свою мысль. Провести черту в пространстве между нами.

— Пусть это будет предупреждением, — сказала я, мой тон стал низким, когда из голоса исчезли все следы юмора. Перемена была намеренной, просчитанной. — И для вас, и для вашего отца.

Она снова затаила дыхание, на этот раз с резким вдохом, который сказал мне, что мои слова попали точно в цель.

Я шагнула ближе, нарушая ту осторожную дистанцию, которую она пыталась сохранить. Достаточно близко, чтобы у неё не осталось выбора, кроме как встретиться со мной взглядом и ощутить всю тяжесть моих слов.

— Я могу быть милой, — тихо добавила я, взвешивая каждое слово, пока мой пристальный, немигающий взгляд был прикован к её глазам, — но это не делает меня слабой. Не путайте доброту с уязвимостью.

Шум вокруг нас... далёкая болтовня, шорох движений, казалось, отошёл на второй план. Не полностью, но достаточно, чтобы этот миг, это наэлектризованное пространство между нами, не принадлежало больше никому.

Её глаза с растущим отчаянием изучали мои, метаясь по чертам моего лица, словно она могла каким-то образом расшифровать мои намерения. Она искала что-то, что угодно,

за что можно было бы ухватиться... страх, который можно использовать, сомнение, которым можно воспользоваться, слабость, которую можно обратить против меня.

Она ничего не нашла.

Я не отводила взгляда, позволяя тишине растянуться между нами. Прошла одна долгая секунда, затем другая, и напряжение нарастало с каждым ударом сердца. Я видела, как её самообладание начинает трещать по краям, а в выражении лица проскальзывает неуверенность. Затем я слегка выпрямилась, ровно настолько, чтобы ослабить накал и нанести последний удар.

— Вы меня раздражаете, — просто сказала я, и слова прозвучали с тихой окончательностью.

Глава 109. Саймона уволили

От лица Эдварда

Дверь в зал заседаний за последним из них закрылась с тихим щелчком, который почему-то прозвучал громче всех споров, наполнявших комнату минутами ранее.

Тишина.

Наконец-то.

Я медленно, тяжело выдохнул, резким рывком ослабляя галстук, и направился обратно в свой кабинет. Плечи светло, словно кто-то натянул под кожей стальную проволоку. Напряжение нарастало всё утро, скручивая мышцы с каждым бессмысленным возражением, с каждым бесхребетным предложением.

— Бесполезные... — пробормотал я себе под нос, с глухим стуком бросив папку на стол. Этот звук подчеркнул моё разочарование. — Все до единого. Абсолютно бесполезные.

Я опустил в кресло. Кожа тихо скрипнула под моим весом, когда я откинулся на спинку и провёл рукой по лицу. Знакомый запах дорогой обивки ничуть не успокаивал.

Эти чёртовы члены совета директоров. Только и делают, что болтают. Никаких действий. И никогда не поймут, чего стоит построить что-то настоящее, что-то долговечное.

— «Нам нужно быть осторожнее, мистер Мур», — передразнил я себе под нос, и мой голос сочился раздражением. Я

до сих пор видел поджатое лицо Хендерсона, это его вечное выражение озабоченности, которое он носил как броню. — «Нам нужно пересмотреть партнёрство». Пересмотреть они захотели, как же.

Мои пальцы беспокойно, нетерпеливо забарабанили по подлокотнику в такт несущимся мыслям. Всё двигалось слишком медленно. Слишком много препятствий загромождало путь, который я уже расчистил в своём воображении. Слишком много людей считало, что их мнение имеет значение, хотя у них не хватало прозорливости увидеть то, что видел я.

Я снова выдохнул, на этот раз дольше, и потянулся за бутылкой воды на столе. Прохладный пластик в ладони приятно заземлял.

— Невероятно, — пробормотал я, откручивая крышку.

Зазвонил телефон. Резко. Разрезая тишину, словно лезвие. Я замер, моя рука застыла на полпути. Взглянул на экран. И тут же моё раздражение утихло, растаяв, как лёд под тёплой водой. На моих губах появилась улыбка, на этот раз искренняя.

Моя принцесса.

— Что ж, — пробормотал я, беря телефон и слегка откидываясь в кресле. Напряжение в плечах начало спадать. — Хоть что-то хорошее в этом хаосе.

Может, она уже слышала новости. Может, звонила, чтобы подтвердить их, и её голос был бы полон радостного вол-

нения. Чтобы отпраздновать со мной. В конце концов, всё прошло в точности по плану, каждая деталь встала на своё место, как костяшки домино, которые я так тщательно расставил.

Разве нет?

Я ответил немедленно, и мой голос наполнился теплом.

— Здравствуй, принцесса...

— Папа.

Одно-единственное слово... Безжизненное. Напряжённое. Неправильное. Настолько неправильное, что у меня сжалась грудь. Улыбка на моём лице дрогнула, а затем исчезла. Не чуть-чуть. Полностью.

— Что случилось? — спросил я, и мой тон мгновенно изменился, стал резче. Настороженнее. Тепло исчезло из голоса, сменившись чем-то более жёстким, более собранным. Пальцы крепче сжали телефон.

— Тебе нужно слушать внимательно.

Что-то холодное скользнуло по моей спине. Я выпрямился, всё моё тело напряглось. — Что произошло?

Между нами повисла пауза, тяжёлая от невысказанных догадок. Затем Лидия произнесла напряжённым голосом, словно сдерживая что-то... какую-то эмоцию, которую она не могла определить или не хотела выпускать наружу: «Ты всё правильно расслышал, папа». Мои пальцы сжали телефон так, что костяшки побелели.

— Она по-прежнему Директор.

Тишина обрушилась, словно груз. А затем моя рука с силой ударила по столу. Звук, резкий и яростный, треснул по комнате, отражаясь от стен.

— Это невозможно.

Я уже был на ногах, кресло с резким скрежетом отодвинулось по полу. Я уже мерил шагами кабинет, мой разум лихорадочно прокручивал каждую деталь, каждый разговор, каждый тщательно выстроенный план.

— Я позаботился об этом, — рывкнул я, мой голос сорвался на крик, несмотря на попытки сохранить контроль. — Я лично этим занимался. Не может быть, чтобы она всё ещё была там.

На том конце провода Лидия рассмеялась. Но в её смехе не было веселья. Он не был лёгким. Он был резким, даже хрупким. Раздражённым. А под ним скрывалось что-то ещё. Что-то более тёмное, более сложное... смесь неверия и чего-то, что могло быть неохотным уважением. Что-то, от чего у меня сжались челюсти и закрипели зубы.

— Что ж, она там, — сказала Лидия, и в её голосе прозвучало нечто, опасно близкое к гневу, хотя я и слышал под ним дрожь. — Она всё ещё здесь, всё ещё на ногах и по-прежнему всем заправляет. Как будто ничего и не случилось.

Я замер на полушаге. Моя хватка на телефоне стала такой сильной, что я подумал, будто аппарат вот-вот треснет.

— Объясни.

— Папа... — Она резко выдохнула, и я представил, как

она проводит рукой по волосам — жест, который она унаследовала от меня, когда разочарование достигало пика. — Угадай, кого уволили вместо неё.

Я сощурился, пока в голове каскадом проносились мысли, одна острее другой. Я уже просчитывал варианты, оценивал ущерб, предвидел последствия.

Нет. Этого не может быть.

— Говори, Лидия.

Её голос стал глухим и сухим. — Это был Саймон.

На секунду всё замерло. Воздух в моём кабинете, казалось, кристаллизовался, заморозив меня в этом мгновении непонимания.

Затем реальность обрушилась на меня.

— Что?! — Слово вырвалось из меня, когда я полностью выпрямился, а моя свободная рука опёрлась о стол с такой силой, что дерево закрипело. Сердце заколотилось в рёбрах... не от страха, а от внезапного прилива ярости, грозившего прорвать мой тщательно поддерживаемый контроль.

— Это невозможно, — выдавил я из себя, теперь уже тише, более сдержанно, но оттого бесконечно опаснее. Каждый слог нёс в себе вес угрозы. — Саймон должен был этим заняться. Это была его работа. Его единственная работа.

— Что ж, он чем-то занялся, — с горечью отрезала Лидия, и я слышал, как разочарование просачивается сквозь её обычное самообладание. — Просто не тем, чем ты хотел.

На её конце провода послышалось движение... шарканье

ног, шёпот голосов на заднем плане. Должно быть, она всё ещё в офисе, в окружении свидетелей этой катастрофы.

— Она всё перевернула, — продолжила Лидия, её слова полились быстрее, словно быстрая речь могла как-то смягчить удар. — Я не знаю, как ей это удалось, но она это сделала. И теперь все знают, что что-то было не так. Они задают вопросы, папа. Такие, на которые нам нелегко будет ответить.

Мои челюсти сжались так сильно, что я почувствовал, как под кожей дёрнулся мускул. Последствия расходились кругами, как трещины на льду, и каждая грозила разрушить ту безупречную структуру, что я выстроил.

— Как много она знает?

Между нами повисла пауза... слишком долгая, слишком многозначительная.

— Лидия, — её имя прозвучало как предупреждение.

— Она знает, — наконец произнесла Лидия, понизив голос почти до шёпота, словно тихие слова могли сделать это менее реальным. — Она знает, что за этим стоишь ты.

Мои пальцы медленно, осознанно сжались в кулак, пока ногти не впились в ладонь. Острая боль помогла сфокусировать ярость, грозившую затуманить мой рассудок.

— Она сказала это, — неохотно добавила Лидия, вытягивая из себя слова, словно признание, которое она предпочла бы не делать. — Перед всеми. Не напрямую, но намёк был достаточно ясен. Люди не идиоты.

— Достаточно, — мой голос прорезал её слова, как лезвие — шёлк.

Холодный. Резкий. Контролируемый.

Но под этой ледяной поверхностью шевельнулось нечто более тёмное, то, что спало в ожидании именно такой провокации. Та часть меня, что пробилась на самый верх и знала, как устранять препятствия.

— Она блефует, — сказал я. — У неё нет доказательств.

— Ты уверен? — без колебаний возразила Лидия. — Потому что её голос не походил на голос человека, который просто гадает. Она звучала уверенно.

Я не ответил. Тишина на моём конце провода повисла между нами, густая от намёков, которые я не был готов признать. Потому что впервые за многие годы... а может, и десятилетия, под мою броню прокралась толика сомнения. Маленькая, едва заметная, но она была там. Настойчивая. Нежеланная.

Как она могла узнать? Как Серафина смогла раскопать то, что я похоронил так тщательно, так глубоко?

Мысль была абсурдной. Невозможной.

Если только кто-то не проболтался. Если только я что-то не упустил. Если только в моей тщательно выстроенной конструкции не появилась трещина, которую я не заметил. Стук прервал мой вихрь мыслей... резкий, настойчивый, требующий внимания. Моя голова резко дёрнулась к двери, мышцы инстинктивно напряглись.

— Подожди, — пробормотал я в телефон, понимая, что мой голос стал более жёстким и настороженным. — Кто-то стучит в мою дверь.

— Папа, подожди...

— Я перезвоню.

Я сбросил звонок, прежде чем она успела возразить, прежде чем смогла задать вопросы, на которые я не был готов отвечать. Экран в моей руке погас.

Тишина вернулась в мой кабинет, но не принесла облегчения. Это была не спокойная тишина, а затишье перед бурей. Напряжённое. Гнетущее. Удушающее.словно сам воздух за-
таил дыхание в ожидании, когда что-то разобьётся вдребез-
ги.

Я нарочито положил телефон на стол, расправляя плечи. Чем бы ни было это вторжение, я разберусь с ним так же, как и со всем остальным... с контролем, с властью.

— Войдите, — позвал я, заставив свой голос вернуться к обычному ровному тембру.

Дверь открылась медленно, почти нерешительно. Само это движение казалось каким-то неправильным, неуверенным — таким, какому не было места в моём мире решительных действий и чётких иерархий. Я уже поворачивался в кресле, уже готовил выражение лица, уже был готов выпроводить любого, кто посмел прервать меня в разгар кризиса.

Пока не увидел его.

Он стоял в дверях, словно призрак самого себя. Взъеро-

шенный, его обычно безупречный вид сменился мятой одеждой и запавшими глазами. Разбитый так, как не бывает от простой усталости. Он прижимал к груди картонную коробку, будто в ней хранились последние остатки его достоинства, а костяшки пальцев побелели на коричневом картоне.

Саймон.

Моё тщательно поддерживаемое самообладание дрогнуло лишь на долю секунды. Из всех, кого я ожидал увидеть, его не было даже в списке.

Глава 110. Я потерял свою должность

От лица Эдварда
— Саймон?..

Это имя сорвалось с моих губ медленнее, чем следовало, словно прорываясь сквозь внезапно сгустившийся воздух.

Потому что мужчина, стоявший передо мной, мало походил на того Саймона, которого я знал — собранного, методичного ассистента, у которого ни одна деталь не ускользала из виду.

Эта его версия выглядела совершенно разбитой.

Его костюм был измят так, будто он часами метался на месте, галстук болтался на шее, словно он бросил попытки поправить его на полпути. Волосы, обычно аккуратно уложенные волосок к волоску, были слегка растрёпаны и падали на лоб — такой беспорядок бывает, когда снова и снова проводишь по ним рукой в приступе тревоги. Под глазами залегли тёмные круги, а челюсти были сжаты в едва сдерживаемом напряжении.

И эта коробка... Эта чёртова картонная коробка, зажата в его дрожащих руках, заставила что-то холодное и тяжёлое опуститься мне на грудь. — Саймон, — повторил я, на этот раз твёрже, выпрямляясь в кресле и откладывая ручку. —

Что ты здесь делаешь?

Он вошёл, не дожидаясь разрешения. Медленно. Размерно. Нарочито. Дверь за ним щёлкнула со зловещей окончательностью, отчего комната вдруг показалась меньше.

Затем он бросил коробку на мой стол. Резко. Звук эхом пронёсся по кабинету, словно выстрел. Резкий. Обвиняющий. Окончательный. У него вырвался короткий, лишённый всякого веселья смешок... горький и сломленный.

— Серьёзно, господин Мур? — спросил он, и я с трудом узнал его голос. Другой. Грубый. Сдавленный едва сдерживаемой яростью.

— Что я здесь делаю? — повторил он, и его губы скривились в уродливой, незнакомой гримасе. Его руки вцепились в край моего стола так, что костяшки пальцев побелели. — Этот вопрос вы должны задать себе.

Я слегка нахмурился, чувствуя, как под раздражением зарождается искреннее беспокойство. — Следи за тоном.

— О, теперь вас волнует тон? — огрызнулся он, подходя ближе и нависая над столом, вторгаясь в то тщательно выверенное пространство, которое я сохранял между собой и всеми остальными. — Теперь вы хотите поговорить о профессионализме? О границах?

Мои челюсти сжались, пока я пытался сдержать собственный гнев.

— Саймон...

— Это вы навлекли это на меня! — перебил он, его голос

повышался и срывался от чего-то первобытного и отчаянно-го. Его глаза блестели, но от ярости или от горя, я не мог разобрать. — Вы разрушили мою жизнь. Вы это понимаете? Вы всё уничтожили.

Слова ударили сильнее, чем должны были. Не из-за того, что он сказал — меня обвиняли в худшем люди и получше. А из-за того, как он это сказал. Неподдельная мука, сочившаяся из каждого слога. Я медленно выдохнул, возвращая своему тону сдержанную, размеренную интонацию, которая так хорошо служила мне в бесчисленных столкновениях.

— Успокойся, — сказал я, резко, но ровно, сохраняя нейтральное выражение лица, несмотря на беспокойство, подступавшее к горлу. — И объясни, что, чёрт возьми, случилось. Перестань кричать и объяснись.

Это стало последней каплей.

Он с такой силой ударил кулаком по моему столу, что лампа затряслась, её свет на мгновение моргнул и снова выровнялся.

Громко. Яростно. Звук повис в воздухе между нами, словно вызов. — Я кричу?! — рявкнул он. Его глаза были широко раскрыты, почти дикие от смеси ярости и отчаяния, которую я редко в нём видел. — А почему мне не кричать? Скажите мне... почему нет?!

Он слегка наклонился вперёд, тяжело дыша, его грудь вздымалась, будто он только что пробежал милю. На висках, несмотря на прохладу от кондиционера, выступили капель-

ки пота.

— Я вас предупреждал, — продолжил он, с такой яростью ткнув в мою сторону пальцем, что его рука задрожала. — Я говорил вам, что это не сработает. Говорил. Но вы...

Он издал горький смешок — такой рождается из глубокого разочарования. — Вы велели мне довести это до конца, — сказал он, его голос стал ниже, мрачнее и обвинительнее. — Вы велели мне уволить госпожу Вейл.

Я ничего не сказал. Наблюдал за ним. Дал ему выговориться, зная, что, прервав его, лишь подолью масла в огонь.

— И я сделал! — продолжал он, его голос снова повисился, срываясь на края. — Я следовал вашим инструкциям. Сделал в точности то, о чём вы просили. Каждое слово, каждая процедура. А теперь посмотрите на меня!

Он дико замахал руками, указывая на себя, его движения были нескоординированными, почти безумными.

— Уволен. Просто так. Исчез, — его голос колебался между яростью и чем-то, что было ближе к горю. — Я потерял свою должность в крупнейшей компании штата... вот так просто! Двадцать пять лет службы, верности — и всё это ничего не значило.

На последнем слове его голос дрогнул, и на мгновение я подумал, что он вот-вот сорвётся. — И вы говорите мне успокоиться? — добавил он, и его смех стал пустым, лишённым всякого веселья. — Нет. Нет, я не буду.

Между нами повисло молчание. Тяжёлое. Напряжённое.

Удушающее в своей силе.

Я слегка откинулся назад, сложив пальцы домиком, и стал его изучать... по-настоящему изучать. Растрёпанные волосы, мятая рубашка, тёмные круги под глазами, говорившие о бессонных ночах.

Это был не просто гнев. Это был человек на грани срыва.

— Как, — медленно произнёс я, мой голос опустился до размеренного спокойствия, резко контрастирующего с его хаосом, — всё пошло не так?

Саймон на секунду замер. Словно сам вопрос сбил его с толку, будто он ожидал чего угодно, только не искреннего интереса. Затем он покачал головой, проведя рукой по волосам и сделав их ещё более растрёпанными, чем прежде.

— Я не знаю, — пробормотал он, его голос вдруг стал тихим, побеждённым. — Я этого не понимаю.

Мои глаза слегка сузились.

— Объясни.

Он прерывисто вздохнул, его плечи поникли, словно часть боевого запала покинула его. — Всё шло по плану, — сказал он, его тон теперь был неровным, колеблющимся между замешательством и разочарованием. — В точности, как вы и хотели. Я вызвал её. Сказал, что она уволена. Всё прошло гладко. Чисто. Даже профессионально.

Он замолчал, его челюсти задвигались, пока он искал нужные слова. Брови глубоко сошлись на переносице. — Да же слишком чисто, — добавил он себе под нос, словно само

это воспоминание его тревожило.

— И? — подтолкнул я его, сохраняя нейтральный тон.

— А потом... — он запнулся, его взгляд впервые с тех пор, как он вошёл, метнулся в сторону от моего. — Она сказала, что пойдёт с этим к начальству.

Я тихо хмыкнул, не в силах сдержать реакцию. — И ты ей поверил?

— Нет, — тут же ответил он, с новой силой замотав головой. — В том-то и дело... я не поверил. Я думал, это блеф. Отчаянная попытка спасти свою работу.

Он снова рассмеялся, но в этом смехе не было веселья, лишь горькое осознание собственного просчёта.

— Она не первая сотрудница, которая пытается проверить этот трюк, — добавил он с защитными нотками в голосе. — Они все говорят одно и то же. „Я сообщу об этом. Я пойду выше. Вы об этом пожалеете“. И никогда ничего не происходит. Это всегда пустые угрозы от людей, которые знают, что проиграли.

Глава 111. Как ей это удалось?

От лица Эдварда

Он поднял на меня взгляд.

— Но в этот раз... — он замолчал, подбирая слова. Тяжело сглотнув, так что его кадык заметно дёрнулся, он продолжил: — Я никак не ожидал такого исхода.

Тихое напряжение пробежало по моему позвоночнику, застыв льдом между лопаток. — Какого исхода?

— Ей дали аудиенцию, — произнёс он, и слова прозвучали глухо, недоверчиво. Это заявление глухим ударом отозвалось у меня в груди. Неправильно. Всё в этой ситуации было неправильным.

— Что?

— Они её впустили, — повторил Саймон, теперь уже медленнее, выговаривая каждое слово так, словно сам всё ещё не мог в это поверить. — Они и вправду её выслушали.

Мои пальцы чуть сильнее сжали подлокотник, костяшки побелели.

— Это невозможно, — произнёс я, сохраняя голос тихим и ровным, несмотря на то, что в голове били тревожные колокола.

— Выслушали, — настоял он, и я услышал, как в его голос возвращается раздражение, заостряя каждый слог. — Они выслушали её. Всё, что она сказала. Каждое-каждое обвине-

ние.

— Такого никогда раньше не было, — пробормотал я, скорее себе, чем ему.

— Я знаю! — рявкнул он, всплеснув руками. — Именно об этом я и говорю!

Теперь он начал мерить шагами комнату, его движения были беспокойными и взвинченными, словно зверь в клетке, проверяющий прутья. Каждый шаг отдавался эхом его растущей тревоги.

— Они так не поступают. Они не рассматривают подобные жалобы, особенно от кого-то вроде неё. Не на таком уровне. — В его голосе звучала нотка отчаяния, словно повторение этого могло как-то прояснить ситуацию.

Он резко остановился, шаркнув ботинками по полу. Повернулся ко мне, ища в моём взгляде понимания. — И всё же... они это сделали.

Между нами повисло молчание. Густое. Гнетущее. Удушающее.

— И что потом? — спросил я, хотя часть меня страшилась ответа.

Саймон издал безрадостный смешок, горький и пустой. — А потом всё пошло к чертям, — сказал он, проведя рукой по волосам так, что они встали дыбом. Его глаза потемнели, тени в них сгустились, словно грозовые тучи.

— Они вызвали меня, — продолжил он, понизив голос. — Все трое. Сидели там, словно... словно судьи на трибунале,

глядя на меня сверху вниз со своих высоких кресел.

Мои челюсти сжались, напряжение волной прошло по мышцам.

— И?

— И они попросили меня всё объяснить, — сказал он, его руки сжали край картонной коробки так, что костяшки побелели. — Обосновать моё решение.

— И ты не смог?

— Я... — он замолчал, и его лицо исказила гримаса, в которой смешались стыд и непокорность. — Я пытался. Бог, я пытался. Но это не имело значения. Каждое моё слово, казалось, лишь глубже рыло мне яму.

Его голос понизился почти до шёпота.

— Они уже знали.

Холодное чувство поселилось у меня в животе, растекаясь по венам ледяной водой.

— Что знали?

Он замялся, его взгляд скользнул мимо моего и остановился на какой-то точке за моим плечом. Затем: — Что я действовал не один.

Между нами повисло молчание, густое и удушающее. Мой взгляд заострился, изучая каждое микродвижение на его лице.

— И что ты сказал?

Саймон посмотрел на меня. На этот раз по-настоящему посмотрел, его глаза изучали мои, словно надеясь найти в

них какое-то прощение. — Думаешь, у меня был выбор? — тихо спросил он, и в его словах прозвучала тяжесть признания.

Выражение моего лица стало жёстким, каждый мускул окаменел.

— Ты назвал моё имя.

Это был не вопрос. Он ответил не сразу, его горло дёрнулось, когда он тяжело сглотнул. Но в этом и не было нужды. Выражение его лица... вина, смешанная со страхом и чем-то, что могло быть сожалением, говорило само за себя.

— Я запаниковал, — наконец пробормотал он, слова посыпались из него торопливым потоком. — Они давили на меня, засыпали вопросами. То, как они на меня смотрели... будто я был чем-то, что они соскребли со своих ботинок...

Он помотал головой, движение было дёрганным и взволнованным.

— Я никогда не видел ничего подобного. Никогда не чувствовал себя таким ничтожным.

Моя челюсть сжалась ещё сильнее, мышцы заныли от напряжения. — А теперь? — спросил я, мой голос был тщательно сдержанным, несмотря на гнев, кипевший под поверхностью.

Он издал пустой смех, горький и самоуничижительный. — Теперь я здесь, — сказал он, указывая на коробку широким жестом, который охватывал всё его ничтожное существование. — Безработный. Разорённый. С уничтоженной

репутацией. А ты...

Его глаза впились в мои, в их глубине боролись обвинение и зависть. — А ты всё ещё стоишь здесь, как будто тебя это совсем не коснулось. Словно ты сделан из Тефлона, и с тебя всё просто соскальзывает.

Я не ответил.

Мои мысли уже покинули эту комнату, мчась по коридорам возможностей и угроз. Последствия расходились спиралью, и каждое было тревожнее предыдущего.

Серафина.

Эта женщина... та, которую должны были развернуть на пороге, отшить, прежде чем она успела бы произнести хоть слово. Она не должна была прорвать внешнюю оборону, не говоря уже о том, чтобы проникнуть во внутреннее святилище. Её не должны были выслушать, признать или запомнить. И уж точно она не должна была выйти оттуда живой, с незапятнанной репутацией.

И всё же вот мы здесь.

— Она всё перевернула... — слова сорвались с моих губ, едва слышные, словно произнеси я их громче, и невозможная реальность стала бы более осязаемой.

Саймон фыркнул, звук был резким от недоверия. — Перевернула? Она всё уничтожила. Всё, что мы построили... исчезло.

Мой взгляд потемнел, тени легли во впадины под глазами. В челюсти дёрнулся мускул.

— Как?

— Я же сказал, — произнёс Саймон, и в каждом слоге сквозило отчаяние. Его руки сжимались и разжимались по бокам. — Я не знаю. Не могу этого понять. В одну минуту всё было идеально выстроено, каждая деталь на своём месте. А в следующую... — Он сделал жест, словно рушится здание. — Всё развалилось.

Он покачал головой, движение было медленным и полным поражения.

— Она вошла туда так, будто это было её место, — добавил он, его голос стал тише, почти благоговейным. — Словно ей принадлежал сам воздух в комнате. И каким-то образом... они отнеслись к ней именно так. Словно у неё было на это полное право.

Снова опустилась тишина, тяжелее, чем прежде. На этот раз она несла в себе нечто большее, чем напряжение. В ней было что-то более острое, более взрывоопасное... клинок, ждущий, когда его извлекут из ножен. Атмосфера в комнате изменилась, зарядилась энергией, от которой воздух казался разреженным, и дышать стало труднее.

Я уставился на стол, мой взгляд застыл на полированной текстуре дерева.

Но я его не видел.

Вместо этого я видел её... то, как она, должно быть, шла по тем залам, уверенность в её походке, сталь в её позвоночнике. Ту женщину, что появилась из ниоткуда и с хирургии-

ческой точностью всё перевернула.

Это имя.

Серафина.

Оно эхом отдавалось в моём сознании, словно вызов, словно объявление войны.

Мои пальцы медленно сжались на поверхности стола, ногти впились в дерево с такой силой, что оставили бледные полумесяцы. В груди начала кристаллизоваться холодная ярость, расплываясь по венам, словно мороз.

Когда я заговорил, мой голос прозвучал низко и сдержанно, каждое слово было выверенным и взвешенным. Но под этой осторожной сдержанностью скрывалось нечто более тёмное, нечто, что сулило последствия. — Как... — я сделал паузу, мои брови сошлись на переносице, пока я осмысливал всю дерзость того, чего она добилась. Затем я поднял взгляд. Холодный. Резкий. Сосредоточенный с хищной напряжённостью.

— Как ей это удалось?

Глава 112. Утащу тебя с собой

От лица Эдварда

— Как ей это удалось?

Этот вопрос сорвался с моих губ тише, чем я намеревался, едва слышным шёпотом прорезав напряжение в комнате.

Но он не был слабым, отнюдь нет. В словах чувствовалась острота — резкая и точная. Контролируемая, обдуманная... такой вопрос требовал ответа и не допускал уклонений.

Саймон издал резкий, безрадостный смешок, который скрежетом прошёлся по тишине. — И какого чёрта я должен это знать?! — рявкнул он, вскинув руки с такой яростью, что я внутренне содрогнулся. — Я что, по-твоему, в её голове сидел? Всё, что я знаю, это...

Он ткнул пальцем себе в грудь — этот жест в своей напряжённости был почти насильственным.

— Я уволен.

Слово упало между нами, словно камень, брошенный в тихую воду, и во все стороны пошли круги последствий. На этот раз громче. Окончательно. Бесповоротно. — И вспомни, что я пообещал тебе в тот день, когда ты попросил меня об этом. — Его голос понизился, каждое слово было тщательно взвешено.

Что-то в его тоне изменилось, переходя в регистр, от которого мой пульс участился. Ниже. Мрачнее. Угрожающий

так, что это обходило логику и было прямо по инстинктам. У меня сжался живот, мышцы напряглись, несмотря на все мои попытки сохранить самообладание.

Внешне этого не было заметно... я давно научился сохранять лицо нейтральным, непроницаемым. Но внутри уже начали бить тревожные колокола.

Саймон сделал шаг вперёд, и его тень легла на мой стол. Не то чтобы агрессивно. Не совсем. Но достаточно близко, чтобы я почувствовал запах кофе из его рта, ощутил жар его гнева, расходящийся волнами, словно от печи. Достаточно близко, чтобы почувствовать нарастающее давление, как в запертой комнате. Словно стена, сдвигающаяся дюйм за неумолимым дюймом.

— Ты ведь помнишь, не так ли? — надавил он, его взгляд искал подтверждения на моём лице.

Я не ответил, тщательно сохраняя пустое выражение лица. И не было нужды. Потому что я помнил... каждое слово, каждую интонацию, каждую невысказанную угрозу, что висела в воздухе между нами в тот день. Ясно как день. Кристально ясно, словно это произошло вчера, а не несколько недель назад.

— Если это раскроется...

Его голос эхом отдавался в моей памяти — тогда он был спокойным, размеренным, почти разговорным.

— Я потеряю работу.

Резко. Прямо. Без возможности для толкований или недо-

понимания.

— И если это произойдёт...

За этим последовала пауза — намеренная и расчётливая. Тяжёлая от подтекста.

— Я утащу тебя за собой.

Воспоминание ударило, как пощёчина, — жгучая и невозможная для игнорирования. Резкая. Неприятная. Неизбежная, как бы сильно я ни желал обратного.

Голос Саймона вернул меня в настоящее, заякорив в этом моменте, в этом кризисе. — Я не шутил, — тихо сказал он, и мягкость его тона была почему-то более угрожающей, чем его предыдущие крики. — Ни тогда. Ни сейчас.

Тишина заполнила кабинет, словно вода, заливающая тонущий корабль. Но она не была пустой — она была густой от невысказанных обвинений и нарастающего ужаса. Она давила на плечи, мешая дышать.

— Надеюсь, ты готов нести это последствие, — продолжил он, его взгляд впился в мой с такой силой, что отвести глаза было невозможно. — Потому что, если всё пойдёт не так, на мне это не остановится. Ты ведь знаешь, правда? Они будут копать. Они всё найдут.

Мои пальцы слегка сжались на полированной поверхности стола, ногти впились в дерево. Медленно. Контролируемо. Единственный внешний признак бури, бушевавшей внутри. Но внутри... Что-то сдвинулось, словно тектонические плиты, скрежещущие друг о друга перед землетрясением.

ем. Потому что всё должно было быть не так. Даже близко не так.

Всё должно было быть чисто, хирургически точно. Просто. Её увольняют за некомпетентность или неподобающее поведение... что-то правдоподобное, что не вызовет вопросов. Она исчезает из нашего мира, растворяется в неизвестности. Конец истории. А не этот хаос. Не этот бардак, который грозил поглотить нас обоих.

Не... Разоблачение.

От этого слова по моим венам пробежал лёд.

Саймон коротко выдохнул, теперь внимательно наблюдая за мной с сосредоточенностью хищника, оценивающего следующую ход своей жертвы. А затем он усмехнулся. Едва заметная усмешка, лишь лёгкое подёргивание губ. Горькая. Всезнающая. — Судя по твоему лицу... — медленно произнёс он, склонив голову, как любопытная птица, разглядывающая что-то завораживающее и ужасное. — Кажется, ты вспомнил.

Я молчал.

Он кивнул, словно моё молчание подтвердило все его подозрения. — Хорошо, — добавил он, и в его тоне проскользнуло удовлетворение. — Потому что я тоже кое-что помню.

Его голос затвердел, теряя всякое подобие вежливости. — Ты сказал мне, что понесёшь это.

Мой взгляд заострился, с новой силой сфокусировавшись на нём. — На что ты намекаешь?

— О, я ни на что не намекаю, — тут же отрезал он, слова прозвучали отрывисто и обдуманно. — Я говорю прямо. Это ты сказал. Твои слова. Не мои.

Он подошёл ещё ближе, вторгаясь в пространство между нами, а его голос понизился до чего-то почти интимного в своей угрозе. — Так что теперь... — продолжил он, его губы изогнулись в чём-то, что не было похоже на улыбку, — не я один обожгусь.

Слова упали с весом угрозы. Тяжёлые. Намеренные. Рассчитанные на то, чтобы ранить. — Ты тоже это почувствуешь, — добавил он, его глаза сузились, пока он изучал мою реакцию. — Может быть, даже сильнее.

Моя челюсть невольно сжалась, под кожей дёрнулся мускул. Он заметил это маленькое предательство. Отметил с явным удовольствием. И отложил на будущее. — Потому что я уверен, ты знаешь вовлечённых в это людей, — сказал он, позволяя намёку повиснуть в воздухе.

И именно эта фраза. Именно она осела глубоко в груди, холодная и непрошенная. Потому что я действительно знал. Я слышал о них, слышал шёпотом рассказанные истории, которые ходили вполголоса. В определённых кругах все о них слышали.

Не лично, слава Богу.

Не напрямую. Но достаточно, чтобы понимать расклад. Достаточно, чтобы знать правила. Достаточно, чтобы осознавать, что это не те люди, которым переходят дорогу. Не с лёг-

костью. Не по неосторожности. Не без принятия того факта, что последствия будут быстрыми и беспощадными.

И внезапно, впервые с тех пор, как начался весь этот кошмар, под моё тщательно поддерживаемое самообладание прорвалось что-то незнакомое.

Не паника, нет.

Нет.

Я не паниковал, я слишком хорошо себя для этого натренировал. Но осознание. Острое, как разбитое стекло. Холодное, как зимняя вода. Точное, как лезвие хирурга. Такое осознание, которое заставляет твои инстинкты выживания вострепнуться и обратить внимание.

Саймон снова рассмеялся, на этот раз мягче, звук был почти нежным в своей жестокости. — Ага, — пробормотал он, читая моё молчание, как открытую книгу, и интерпретируя каждое микровыражение, которое я не смог до конца подавить. — Теперь до тебя доходит.

Глава 113. Настоячивая крыса

От лица Эдварда

Я медленно выпрямился, заставляя своё лицо снова стать нейтральным. Сдержанным. Неприкосновенным. Маска, которую я носил годами, так хорошо служила мне в залах заседаний и на переговорах.

— Ты слишком остро реагируешь, — сказал я, хотя, едва слова сорвались с моих губ, я понял, что это была ошибка.

Он моргнул, его челюсть на мгновение отвисла. Затем он рассмеялся. Громко. Неверяще. Звук эхом отразился от стен кабинета, резкий и горький. — Слишком остро реагирую? — повторил он, и его голос становился всё выше. — Ты думаешь, это я слишком остро реагирую?

— Я думаю, ты поддался эмоциям, — холодно ответил я, каждое слово было взвешенным и продуманным. — Ты только что потерял работу. Ты не можешь мыслить ясно.

Это его задело. Я видел, как удар достиг цели. Промелькнувшая в его глазах искорка... боль, смешанная с яростью. Гнев, перерастающий во что-то более опасное. Его руки сжались в кулаки по бокам, костяшки пальцев побелели.

— Не надо, — сказал он, его голос упал до опасного шёпота, который каким-то образом казался громче его предыдущего крика. — Не пытайся всё свалить на меня.

— Я констатирую факты. — Я сохранял ровный, профес-

сиональный тон, будто мы обсуждали квартальные отчёты, а не руины того, кем мы были друг для друга.

— Нет, — рывкнул он, делая шаг ближе. — Ты пытаешься дистанцироваться. Как ты всегда делаешь, когда всё становится по-настоящему.

Я выдержал его взгляд. Не моргая. Отказываясь позволить ему увидеть дрожь, которую я чувствовал нарастающей внутри. — А что, если так?

Тишина. Напряжённая. Взрывоопасная.

Воздух между нами казался наэлектризованным, потрескивающим от всего недосказанного. Саймон долго смотрел на меня, его грудь вздымалась и опускалась в такт едва сдерживаемому дыханию.

Затем он улыбнулся.

Но эта улыбка не была дружелюбной. Даже близко нет. Это была такая улыбка, которая появляется перед тем, как что-то ломается, перед тем, как стекло разлетается на куски, которые уже не собрать.

— Можешь попробовать, — тихо сказал он, его голос был полон уверенности, от которой у меня сжался живот. — Ты действительно можешь.

Он потянулся к картонной коробке на моём столе, в которой хранились три года его профессиональной жизни. Поднял её с нарочитой осторожностью. Удобнее перехватил, его движения были медленными и целенаправленными.

— Но это не работает.

Выражение моего лица оставалось застывшим.

Не мог его изменить. Не осмеливался.

— Я им сказал, — добавил он, его голос обрёл неестественное спокойствие, какое бывает перед бурей. — Твоё имя.

Слова ударили, как последний гвоздь, вбитый в дерево, навсегда что-то запечатав. Негромко. Но абсолютно. — Я не заикался, — продолжил он, наблюдая за моим лицом в поиске любой трещины в фасаде. — Не колебался. Я чётко произнёс каждый слог. Эдвард Мур.

Мои пальцы дёрнулись на бедре. Совсем немного. Тремор был таким слабым, что его можно было бы и не заметить. Но я его почувствовал — это невольное предательство нервов, которые я годами учился подавлять.

— Они меня слышали, — продолжал он, и в его тоне появилась нотка удовлетворения. — И поверь мне... они не похожи на тех, кто забывает подобные вещи. Или прощает их.

Он двинулся к двери с уверенностью человека, который уже победил. Медленно. Неторопливо. Наслаждаясь каждым шагом. Затем он остановился, его рука замерла над ручкой, словно он передумал, хотя мы оба знали, что это не так.

Не оборачиваясь, он сказал:

— Точно так же, как я сказал тебе...

Между нами повисла пауза, полная скрытого смысла. Затем он взглянул через плечо, повернув лицо ровно настоль-

ко, чтобы поймать мой взгляд.

Его взор встретился с моим в последний раз. Холодный. Уверенный. Безжалостный.

— Я упомянул им твоё имя, — повторил он, словно само повторение было оружием. — Убедился, что они его записали.

Комната внезапно показалась меньше. Теснее. Словно стены сдвинулись на дюйм ближе, а воздух становился всё реже с каждым вздохом. Моё сердце колотилось о рёбра, хотя лицо оставалось каменным. А затем прозвучали его последние слова. Взвешенные. Продуманные. Неизбежные, как смертный приговор.

— Так что лучше готовься к последствиям.

Слова не просто достигли цели... они осели глубоко, тяжёлые и навсегда, как нечто, высеченное в камне, что уже никогда не стереть.

Саймон не сразу двинулся с места. На секунду он просто застыл, держа руку на дверной ручке, спиной ко мне. Я видел напряжение в его плечах, то, как его костяшки побелели на латуни.

Затем он повернулся. Медленно. Нарочито. Какая бы сдержанность ни была у него раньше, какая бы профессиональная вежливость ни удерживала его от того, чтобы окончательно сорваться, — теперь всё это исчезло. Его глаза горели с такой силой, что воздух между нами, казалось, затрепал. Не от паники. Не от страха. От чего-то гораздо худшего,

что гноилось под поверхностью бог знает сколько времени.

Злоба.

Неприкрытая и уродливая, лишённая всякого притворства.

— Всё, что с тобой случится... — сказал он, его голос был низким и ровным, что казалось гораздо опаснее его прежних криков. Каждое слово было взвешенным, продуманным, словно патроны, загоняемые в патронник. — Ты всё это заслужил.

Моя челюсть сжалась. Мускул дёрнулся на щеке, но я не перебил. Не отреагировал. Не доставил ему удовольствия увидеть, как я дрогнул. Но внутри что-то сжалось в тугую пружину, готовую вот-вот лопнуть.

— Потому что ты разрушил мою жизнь.

Обвинение повисло между нами, без ответа и возражений. Его тяжесть давила мне на грудь, но я не позволил этому отразиться на моём лице.

Саймон задержал на мне взгляд на последнюю секунду, его глаза изучали мои. Словно он запоминал каждую деталь моего лица. Словно хотел увидеть, что я за человек, прежде чем всё вокруг нас сгорит дотла.

Затем он повернулся, открыл дверь и ушёл.

Вот так просто.

Щелчок закрывшейся за ним двери эхом прокатился по кабинету... громкий, слишком громкий, отражаясь от стен, как выстрел.

А затем наступила тишина.

Не та спокойная, что наступает после бури. Не та мирная, что приносит облегчение. Эта тишина была удушающей, плотной и гнетущей. Такая, что давит на уши и заставляет собственные мысли звучать громче, чем следовало бы, пока они не становятся почти невыносимыми.

Я не двигался. Не сразу.

Я просто стоял, уставившись на дверь, как будто она могла снова открыться. Как будто он мог вернуться и сказать, что всё это было шуткой, какой-то извращённой проверкой моей решимости. Что ничего из этого не было реальностью. Что всё по-прежнему под контролем, всё ещё можно спасти.

Но дверь оставалась закрытой, и реальность оставалась на своём месте... неприятная и неумолимая.

Я медленно выдохнул, воздух покинул мои лёгкие длинным, контролируемым потоком. Затем я провёл рукой по волосам, на секунду сжав их у корней, прежде чем отпустить. Привычный жест несколько не ослабил напряжение, нарастающее у основания черепа.

— Чёрт побери.

Слова сорвались с моих губ, тихие и сдержанные, но они не несли в себе той же весомости, что обычно. Они казались пустыми, неадекватными для разворачивающейся вокруг меня ситуации.

Я вернулся к своему столу, каждый шаг был медленнее предыдущего, мои мысли наконец догоняли реальность того,

что только что произошло.

Последствия.

Именно это слово он использовал. Последствия. Как будто мы говорили о ядерном взрыве, где ущерб распространяется далеко за пределы первоначальной зоны поражения. Мои пальцы надавили на край стола, когда я слегка наклонился вперёд, глядя на полированную поверхность и не видя её по-настоящему. Текстура дерева расплывалась перед глазами.

Группа Корвинни.

Партнёрство, которое мы выстраивали месяцами, сделка, которая должна была укрепить наши позиции на рынке. Я резко выдохнул через нос.

— Потеряно, — пробормотал я в пустую комнату.

Вот так просто.

Месяцы переговоров, тщательно сформулированных писем и стратегических ужинов. Совещания, затягивавшиеся до раннего утра. Мы идеально позиционировали себя для этой возможности. И всё это теперь висело на волоске, если уже не оборвалось совсем.

Я медленно потёр висок, чувствуя, как острая, настойчивая головная боль зарождается за глазами. Давление нарастало с каждой секундой, вторя напряжению, скручивающемуся в моей груди.

— Этого не должно было случиться, — тихо сказал я, слова едва слышны в пустой комнате... скорее признание, чем утверждение, сказанное больше для себя, чем для кого-ли-

бо, кто мог бы слушать.

Всё было просто. Так прекрасно, элегантно просто. Никаких сложностей, которые нужно было бы распутывать. Никакого сопротивления, которое нужно было бы преодолевать. И уж точно не эта катастрофа.

Я слегка выпрямился, моё тело начало двигаться раньше, чем успел среагировать разум, теперь я мерил комнату размеренными, но беспокойными шагами. Ковёр заглушал мои шаги, но я чувствовал, как каждый из них отдавался в костях, — беспокойная энергия искала выход.

— Как... — пробормотал я, качая головой, словно физическое движение могло вытряхнуть какой-то ответ из этого хаоса. — Как до этого вообще дошло?

Она была всего лишь одним человеком. Одной сотрудницей из сотен. Одной женщиной, которая должна была быть незначительной, незаметной, легко управляемой. И всё же... всё изменилось из-за неё.

Я резко прекратил ходить, мои ноги застыли на месте, словно через ботинки проросли корни. Мой взгляд потемнел, тени сгустились на периферии зрения.

— Эта девчонка...

Слова сорвались с моих губ прежде, чем я успел их остановить, горькие и чужие на вкус. Мои губы сжались в тонкую, бескровную линию.

— Она не имела права, — продолжил я под нос, слова набирали жар и инерцию. — Не её дело вмешиваться в во-

просы, которые настолько выше её понимания, выше её положения.

И всё же она вмешалась, и не просто вмешалась — она победила.

Осознание этого было горьким и едким на вкус, как испорченное вино, которое я никак не мог выплюнуть. Я повернулся и тяжёлыми шагами вернулся к своему креслу, прежде чем рухнуть в него; кожа скрипнула под моим весом. Я откинулся назад, уставившись в потолок, словно ответы могли быть написаны там, на акустических плитках и в утопленных светильниках.

Если бы кто-нибудь сказал мне этим утром, когда я приехал уверенный, подготовленный, убеждённый в исходе, что всё пойдёт по такому сценарию, что контроль ускользнёт у меня из рук, как вода сквозь пальцы, я бы рассмеялся ему в лицо. Отмахнулся бы от него. Назвал бы его смешным, параноиком, абсолютно заблуждающимся.

И всё же я здесь. Сажу один среди обломков, и всё из-за неё.

Я тихо хмыкнул, звук получился резким и лишённым юмора в тихой комнате, качая головой от абсурдности всего этого.

— Эта девчонка... — пробормотал я, мой тон был пронизан раздражением и недоверием. — Она просто всё разрушила.

Мои пальцы начали выстукивать по подлокотнику ритм,

рождающийся из хаоса. Медленный. Размеренный. Ритмичный. Звук заполнил тишину, отсчитывая такт моим мечущимся мыслям.

Я выдохнул снова, на этот раз дольше, чувствуя, как сдувается грудь, а взгляд твердеет с новой решимостью. Мои мысли переключились с паралича шока на знакомую территорию стратегии, планирования, восстановления контроля.

— Она настойчива, — тихо признал я, и в словах прозвучало неохотное уважение, которое я тут же возненавидел.

Слишком настойчива для своего же блага. Больше, чем я ожидал от кого-то столь молодого, столь неопытного. Больше, чем я учёл в любом из своих расчётов. Мои губы слегка скривились во что-то, что не было ни улыбкой, ни чем-то приятным... скорее оскал, чем проявление юмора.

— ...словно назойливая крыса, — сказал я, пробуя оскорбление на вкус, обкатывая его, чтобы посмотреть, подходит ли оно.

Но это не приносило удовлетворения, не отражало в полной мере то, что меня грызло. Сравнение казалось неполным, в нём не хватало чего-то существенного.

Потому что ею двигала не просто настойчивость. Это было что-то другое, что-то более фундаментальное. Что-то знакомое, что цеплялось за край памяти, как полузабытый сон, настойчивое и неудобное.

Что-то, о чём я не думал годами, что я намеренно похоронил под слоями времени и расстояния. Выражение моего

лица потемнело, тени на нём сгустились. Осознание пришло, нежеланное и неоспоримое. Раздражающее в своей ясности. Нежелательное в своих последствиях.

— ...совсем как её мать.

Глава 114. Я ненавижу тебя, Серафина

От лица Лидии

Звонок завершился.

Вот так просто. Без предупреждения. Без утешений. Без плана. Просто... Тишина.

Я уставилась на телефон, и мой взгляд сфокусировался на пустом экране до такой степени, что всё остальное перестало существовать. Я смотрела на него пристально. Словно если я буду достаточно долго концентрироваться, достаточно яростно желать этого, он зазвонит снова. Словно он перезвонит и всё исправит. Скажет что-нибудь... что угодно, что объяснило бы этот бардак, что восстановило бы порядок, который я так тщательно выстраивала.

Но экран оставался тёмным. Неподвижным. Беспольным. Идеальное отражение моего нынешнего положения. Моя хватка на устройстве усилилась, пальцы сжались так, что края впились в ладонь, оставляя на коже маленькие полумесяцы.

— ...Серьёзно? — Слово сорвалось едва слышным шёпотом, горькое на вкус.

Коридор казался слишком открытым. Слишком незащищённым. Люди всё ещё шептались, их голоса сливались в

низкий гул, от которого у меня по коже побежали мурашки. Всё ещё говорили. Всё ещё смотрели. Я чувствовала её, эту особую тяжесть чужих взглядов.

Даже не оборачиваясь.

Их глаза. Их любопытство. Их жалость.

И это было хуже всего. Не гнев, не осуждение... а жалость. Словно я была раненым зверем, за которым они могли наблюдать с безопасного расстояния. Я хмыкнула и, резко оттолкнувшись от стены, быстро пошла по коридору, прочь от них, прочь от этих голосов, которые, казалось, забирались мне под кожу, впиваясь в места, до которых я не могла дотянуться, чтобы почесать.

— Невероятно... — Слово вырвалось шипением.

Я толкнула дверь ближайшего пустого кабинета и вошла, захлопнув её за собой с такой силой, что задрожала рама. Звук разнёсся эхом. Громкий. Резкий. Приносящий удовлетворение.

Наконец-то одна.

Я резко выдохнула, и дыхание вырвалось из меня с дрожью. Я тут же начала мерить шагами комнату, и стук моих каблучков по полу создавал неровный ритм, вторивший моему бешеному сердцебиению.

— Как эта сука умудрилась сохранить работу? — рявкнула я. Мой голос, отразившись от стен, вернулся ко мне, звуча более отчаянно, чем я намеревалась.

Ответа не было.

Конечно.

Потому что не было ответа, который имел бы смысл. Не было логики, которая могла бы объяснить, почему всё развалилось так spectacularly. — Как? — снова потребовала я, проводя рукой по волосам и не заботясь о том, что, вероятно, порчу идеальную укладку, на которую сегодня утром потратила двадцать минут. — Как?!

Моя грудь быстро вздымалась и опускалась. Гнев, бурливший где-то глубоко внутри, поднимался и выплёскивался наружу быстрее, чем я могла его сдержать. Эмоция казалась слишком огромной для моего тела, угрожая разорвать меня изнутри.

Всё было решено.

Саймон должен был её уволить. Я идеально подготовила почву, посеяла каждое семя, срежиссировала каждый разговор. Чисто. Просто. Готово. И вот теперь мне пришлось стоять там. Перед всеми. И смотреть, как она всё переворачивает, словно фокусник, проделывающий невозможный трюк.

Смотреть, как она побеждает.

Я стиснула челюсти так сильно, что стало больно, мышцы на лице ныли от напряжения.

— ...невероятно.

Я резко прекратила ходить по комнате, впиваясь ногтями в ладони до тех пор, пока кожа не оказалась на грани разрыва. Моя ненависть к ней... Она не была маленькой. Она не была скрытой. Теперь она пылала, как лесной пожар, рас-

пространяясь по каждому нерву в моём теле.

Горячая. Всепоглощающая. Растущая с каждым моим вздохом.

— Теперь мне придётся видеть её каждый день, — пробормотала я, и мой голос упал до опасного шёпота, слегка дрожа от едва сдерживаемой ярости. Слова царапали горло, как битое стекло. — В должности Директора.

Это звание было горьким на вкус. Неправильным. Фундаментально неправильным. Эта должность... она должна была стать моей. Я заслужила её годами осторожных манёвров, бессонных ночей, стратегических союзов.

Моей.

— Я работала ради этого, — отрезала я, резко развернувшись на каблуке и возобновив свою судорожную ходьбу. Мои шаги отдавались эхом в пустой комнате. — Я ждала. Я планировала. Я идеально выстроила свою позицию...

А она просто вошла. И взяла. Словно сорвала спелый плод с низкой ветки, будто это было её правом по рождению. «Нет», — тут же сказала я, с яростной убеждённой мотая головой. Волосы хлестнули меня по лицу. — Нет. Я не приму это.

Прежде чем я успела подумать, моя рука с размаху ударила по стене. Сильно. Боль пронзила ладонь, отдаваясь в запястье. Мне было всё равно. Физическое жжение было почти желанным, отвлекающим от боли в груди.

— Я не могу, — выдохнула я, и мой голос слегка дрогнул,

обнажая свежую рану под моим гневом. — Я не могу это принять.

Мою грудь сжало, сдавило так, что каждый вздох стал осознанным усилием. Гнев смешался с чем-то более уродливым. Более глубоким. С завистью. С унижением. С отчаянной, цепляющейся жадой признания, в которой я бы никогда не призналась вслух.

— Почему ты постоянно получаешь всё, что я хочу? — потребовала я, и мой голос снова повысился, став громче, лишённый всякого притворства. Этот вопрос вырвался откуда-то из первобытных глубин. — Почему?!

Моя рука снова ударила по стене. И снова. Каждый удар резче. Громче. Звук плоти, ударяющейся о штукатурку, стал ритмом, соответствовавшим моему бешеному сердцебиению. — Ты никто! — крикнула я. Мой голос отразился от стен и вернулся, чтобы поиздеваться надо мной. — Слышишь меня? Никто!

Моё дыхание стало неровным. Прерывистым. Рваные вдохи, от которых болели рёбра.

— Я заслуживаю всего, — продолжила я, мой голос немного понизился, но не потерял своей интенсивности. Каждое слово было пропитано убеждённой, рождённой годами веры в то, что мне должны больше. — А не ты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.